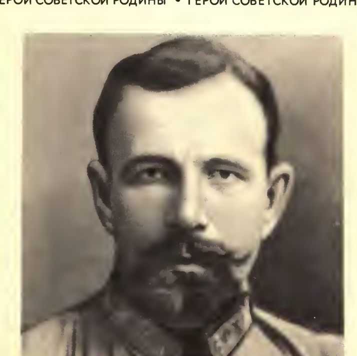
Иван Жигалов

ПОВЕСТЬ О БАЛТИЙСКОМ МАТРОСЕ

• ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ • ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ •

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ • ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ • ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

• ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ • ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ •

ГЕРОИ
СОВЕТСКОЙ
РОДИНЫ

Иван Жигалов

ПОВЕСТЬ О БАЛТИЙСКОМ МАТРОСЕ

ИПЛ

Москва · 1973

ОТ АВТОРА

«А в Балтийском флоте кипит... Настроение у матросов боевое...» — писал Ленин Горькому летом 1912 года.

В это время Павел Дыбенко служил на крейсере «Двина» (б. «Память Азова»), состоял членом РСДРП, вел активную подпольную работу среди матросов.

Созданный моряками после февраля 1917 года Центральный Комитет Балтийского флота — Центробалт, председателем которого был избран Дыбенко, стал надежной опорой большевистской партии в дни подготовки и проведения Октябрьской революции, установления и упрочения Советской власти в стране.

Павел Ефимович Дыбенко вошел в первое Советское правительство. Он был первым народным комиссаром Красного Военно-Морского Флота Страны Советов.

В годы гражданской войны Дыбенко командовал частями и крупными соединениями Красной Армии, которые геройски и самоотверженно бились с превосходящими силами белых войск и интервентов, одерживали блистательные победы.

За личное мужество, умелое руководство войсками Дыбенко награжден тремя орденами Красного Знамени. А за заслуги в деле установления и упрочения Советской власти в районах Средней Азии и в борьбе с басмачеством награжден орденами Трудового Красного Знамени Таджикской ССР и Туркменской ССР.

Написать «Повесть о балтийском матросе» мне помогли произведения самого Павла Ефимовича, воспоминания его соратников по Центробалту и по службе в Красном Военно-Морском Флоте и Красной Армии как в годы гражданской войны, так и в мирное время. С некоторыми из них удалось встретиться. Много интересного о Дыбенко хранят архивные материалы, пожелтевшие от времени подшивки газет, комплекты журналов.

В тридцатых годах мне посчастливилось слушать Дыбенко, встречаться с ним на флотских и армейских учениях, на совещаниях и собраниях. Об этом рассказано в послесловии.

Пусть эта книга освежит в памяти советских людей прекрасный образ Павла Ефимовича Дыбенко — балтийского матроса, героя Октября и гражданской войны, выдающегося военного деятеля, много сделавшего для нашей социалистической Родины и ее Вооруженных Сил.

И. Жигалов

Дорога к морю

— Одним нищим больше стало,— невесело улыбнулся отец, посмотрев не неистово орущего младенца.

— Бог не без милости. Может, и даст ему счастье,— тихо произнесла жена.

У Ефима Васильевича и Анны Денисовны Дыбенко 16 февраля 1889 года родился шестой ребенок. Назвали Павлом. Его старшему брату шел десятый год, а дедушке — отцу матери — восемьдесят пятый. Семья — девять человек, а земли — полторы десятины. Таких малоземельных — большинство в Людкове, селе на Черниговщине[1]. Бедность вынуждала Ефима Васильевича после окончания полевых работ брать пилу, топор и отправляться на рубку леса к подрядчикам. Анна Денисовна стирала белье, мыла полы у богатых односельчан.

И дети помогали добывать хлеб насущный. Уже с шести лет Павла определили к местному кулаку присматривать за лошадьми. В двенадцать, окончив сельскую школу, переехал в Новозыбков, устроился на работу, по вечерам учился. Здесь и познакомился с подпольщиками, выполнял их отдельные поручения, расклеивал в городе листовки, был связным... В 1907 году участвовал в крестьянском восстании, охватившем два уезда — Новозыбковский и Стародубский. Два месяца держались восставшие. Вызванные войска и жандармы много деревень сровняли с землей, сотни людей бросили в тюрьму. И Павла четыре месяца держали под следствием. Выпустили за недостаточностью улик, но занесли в «черный список».

---

[1] Ныне Брянская область.

В Новозыбкове на работу никто не брал. Пришлось уехать в Новоалександровск Ковенской губернии к дяде. Но пробыл тут недолго, вернулся домой. Прошел слух, будто в Ригу приходят корабли со всего света, грузчики там на вес золота. Решил Павел отправиться. Родители на последние деньги справили новую одежду. Отец выхлопотал паспорт.

— Попытай, Павлуша, счастья, может, оно тебе и улыбнется. Нас оно стороной обходило.

Мать сшила мешок с лямками. Попрощался Павел с родными и поехал искать заветное счастье на берегах Балтийского моря.

Добрался до Риги, только грузчиком устроиться не удалось. «Своих безработных хватает». Долго бедствовал, случалось, и голодный ходил сутками... Под Либавой батрачил у кулака «за харчи». А заморские корабли не давали покоя. Вернулся в Ригу. Помогли бывшие балтийские матросы-грузчики: «Парень здоровый,— сказали,— работать может». Взяли в свою артель, а с двумя — Львовым и Филатовым крепко подружился. В 1909 году вместе с портовиками Павел вышел на первомайскую демонстрацию, даже выступил с речью против существующих порядков. Тогда-то и испробовал казацкой нагайки. Арестовали, обвинили в поддержке организации РСДРП и антиправительственной агитации среди рабочих. К суду, правда, не привлекли, а дело о политической неблагонадежности завели и с работы уволили... Перебивался кое-какими заработками. По вечерам учился на курсах электриков.

Приближалось время призыва. «Не пойду служить царю»,— сказал Павел Львову и Филатову. Уклонился от явки на призывной участок. Вначале не трогали, а в декабре 1911 года вызвали в полицию и по этапу отправили в Новозыбков... Разрешили на-

вестить родителей. Мать расплакалась. Отец с горечью произнес:

— Стало быть, не нашел ты, Павлуша, счастья. На царевой-то службе его и подавно не сыщешь...

Вместе с новозыбковцами-земляками Дыбенко повезли в Петроград.

Чугунные ворота с большими медными якорями затворились.

— Крюковские казармы,— объявил унтер-офицер Драгунов, сопровождавший новобранцев.

Этот не по-зимнему сырой день Павел хорошо запомнит: было первое воскресенье января 1912 года.

Унтер-офицера Драгунова словно подменили. Когда ехали в поезде, не кричал, даже казался робким. Теперь превратился в «шкуру», так унтеров называли за ревностную службу, собачью преданность начальству, постоянную слежку за нижними чинами. Матросов иначе не называл, как «хари», «морды», «серая деревенщина».

Тихие получали от Драгунова зуботычины, многие были обруганы. Придирался и к Дыбенко, вызывал на скандал, но прикоснуться боялся, понимал — этот верзила с недобрым взглядом и сам может влепить.

Вечером перед строем Драгунов объявил, что завтра утром прибудет комиссия, рекомендовал на вопросы отвечать четко, не жаловаться и ни о чем не просить.

— Ясно, подлецы? — спросил в заключение.

Утром всех построили. Голубоглазый лейтенант раскрыл папку, стал называть фамилии и задавать вопросы. Дошла очередь и до Дыбенко. Павел отве-

тил. Председателю комиссии понравились и ответы, и сам новобранец: высокий, ладно сложенный, красивый, с черными вьющимися волосами. Когда Павел сказал, что рост его два аршина, семь и четыре восьмых вершка, лейтенант воскликнул:

— Ого! Аккурат бы в гвардейский экипаж...— Помедлил.— Да вот... политически неблагонадежен... По донесению Рижского полицейского управления... Пойдешь во второй Балтийский экипаж, в Кронштадт.

«Хорошо, что еще новозыбковская полиция «хвост» не прислала»,— подумал Павел.

Казармы второго Балтийского флотского экипажа в Кронштадте ничем не отличались от Крюковских. И порядки те же. Но и в них Павел недолго задержался. Попал на крейсер «Двина»...

— Встава-ай! Выноси койки! Быстро! Быстро!

Этими словами начинался корабельный день, такой же, как вчерашний. «Таким он будет и завтра, и послезавтра. С побудки до отбоя люди в движении, словно заведенные механизмы»,— мысленно твердил Павел.

За лоском и чистотой верхней палубы «Двина» оставалась плавучей тюрьмой под андреевским флагом. Но и на этом корабле, как и на всем флоте, Дыбенко встретил хороших людей.

Унтер-офицер Охота

Сменный Охота ничем внешне не отличался от других унтер-офицеров; но на матросов он не кричал и не ругался. Уже в годах, с появившимися сединами на висках и морщинками под глазами.

Как-то после занятий Охота попросил Дыбенко задержаться. Поинтересовался, знаком ли тот с Фи-

латовым и Львовым. Павел ответил, что ни того, ни другого не знает.

— Мой друг недавно вернулся из Риги,— сказал Охота,— там он встречался с этими людьми, они просили передать тебе привет, ну и так далее... А теперь внимательно слушай и мотай на ус...

Узнал Дыбенко, что Охота, Филатов и Львов — большевики, давние друзья, вместе в РСДРП вступали, участвовали в обоих кронштадтских восстаниях — 1905 и 1906 годов.

— Ты не новичок в подпольной работе, умеешь держать язык за зубами,— говорил Павлу Охота.— Но учти, за тобой следит матрос Шмелев. За ним мы тоже внимательно присматриваем. Тебе нужно вот что сделать.

Охота назвал нескольких матросов и пояснил, как проверить их и привлечь к работе.

Павел доверился Охоте... Пройдут годы, но он не забудет и этот первый дружеский разговор в румпельном отделении «Двины», и последующие беседы, которые завершатся вступлением Дыбенко в партию большевиков в июне 1912 года.

Охота стал часто приглашать Дыбенко в гости на Цитадельскую, где снимал комнату у старушки — матросской вдовы. Каждый раз здесь бывали новые люди — большевики-подпольщики. Обещал познакомить с «очень хорошим товарищем унтер-офицером Иваном Сладковым». Да не было случая. А вот с Васей Марусевым познакомил.

Служил Вася на линкоре «Император Павел I», и Дыбенко узнал от него о тюремных порядках на корабле, о его командире — каперанге Небольсине и других офицерах. В одну из встреч Марусев рассказал, что на днях его вызывал к себе Небольсин:

— Спрашивал, как мне служится.

Охота насторожился. Посоветовал подальше держаться от командира, вообще от офицеров.

Когда Марусев ушел, Охота произнес:

— Чует мое сердце, Небольсин вербует Васю шпионить за матросами. А Вася не продажный, и положение его опасное. Небольсин — гнусный, бездарный офицер. Настоящий живоглот!

...Погода стояла жаркая. На корабле все раскалено, к металлу нельзя прикоснуться. В помещениях, особенно в кочегарке, нечем дышать. Да и наверху, на палубе, тяжко. Корабли готовились к заграничному походу. Готовилась и «Двина», хотя все отлично знали, что ее не пошлют... Когда-то на флагштоке «Двины» реял гвардейский флаг и название было другое — «Память Азова». Крейсер, не в пример другим, зараженным «потемкинской болезнью», не вызывал беспокойства ни у правительства, ни у флотского начальства. А между тем на крейсере действовала подпольная большевистская организация, которую возглавляли Арсений Коптюх, по партийной кличке Оскар, и Нефед Лобадин. Они-то вместе со своими верными друзьями и готовили вооруженное восстание, чтобы помочь Свеаборгской крепости, выступившей против самодержавного строя. Но все сорвалось из-за предателя Тильмана. Восстание было подавлено. Коптюх-Оскар и еще семнадцать «зачинщиков» приговорены к расстрелу, двести семь отправлены на каторгу и в арестантские роты. «Многие из осужденных матросов до сих пор томятся в страшной рижской тюрьме «Большая Маргарита»»,— говорил Охота. Николай II приказал вычеркнуть «Память Азова» из списков боевых кораблей Балтийского флота. Вот тогда-то, в 1906 году, и присвоили крейсеру название «Двина», сорвали гвардейский флаг, разоружили и поставили у стенки,

заколотив досками. Так и ржавел «проклятый корабль» вплоть до 1909 года, пока не «сжалился» над ним новый командующий флотом адмирал Эссен. Он включил «Двину» в состав минных учебных судов, превратив его в своеобразную плавучую тюрьму, куда стали посылать политически неблагонадежных матросов...

И все же «Двину» готовили к заграничному походу.

— Быстрее, быстрее! — то и дело слышались окрики боцманов и боцманматов, хотя люди и без того работали как автоматы.

Где уж тут заниматься политикой, и так с ног валятся. Так думало начальство. А в стальном чреве крейсера в глубокой тайне шла подготовка к большим и важным событиям.

Охота последнее время часто отлучался с корабля. Дыбенко знал, что в Кронштадте он встречался с подпольщиками.

— Пока дела идут хорошо, приближается решающий день,— говорил он.— Сигнал к восстанию даст броненосец «Цесаревич».

Павел передал этот разговор своим товарищам, а те своим...

Было это 21 июля 1912 года, а на следующий день на «Двину» нагрянули жандармы. Вместе с корабельными офицерами произвели тщательный обыск. Рылись и в сундучке Павла, но там хранились книжечки с житиями святых, их в свое время передал Охота и рекомендовал держать на видном месте. Ничего не обнаружили и у других подпольщиков...

Но на многих боевых кораблях эта душная июльская ночь оставила тяжелые последствия. На броненосце «Император Павел I» обысками руководили сам командующий фон Эссен и командир Небольсин; «бунтовщиков» разбудили и в одном белье построили на верхней палубе, грозились повесить всех на реях...

Охота приносил с берега все новые и новые подробности трагической ночи. Однажды рассказал о командире крейсера «Громобой» капитане первого ранга А. С. Максимове, не пустившем на корабль жандармов. Потребовалось категорическое предписание самого Эссена. Максимов отказался участвовать в обыске и не подписал протокола. Жандармы арестовали и увели с крейсера девять матросов, у которых якобы нашли запрещенные книги. Максимов опротестовал это вопиющее беззаконие и добился освобождения арестованных[1]. «Как в будущем удастся наладить подпольную работу?» — эти мысли тревожили и Охоту, и Дыбенко. Они понимали, что теперь командование наверняка «закрутит гайки» так, что дышать будет трудно.

И началось. За малейшие проступки сажали в карцер на хлеб и воду. Корабли из Кронштадта вывели, матросов лишили берега. Весь минный отряд, в том числе и «Двину», отправили в шхеры и держали там до сентября.

В декабре 1912 года Дыбенко уезжал в Гельсингфорс, его переводили на линкор «Император Па-

[1] Этот эпизод мною подробно описан в повести «Штормовой океан» (первое издание выпущено «Молодой гвардией» в 1959 году). В книге «Из недр царского флота к великому Октябрю» П. Е. Дыбенко ошибочно утверждает, что Максимов вовсе не пустил жандармов на крейсер. Сделать этого он не мог, потому что получил приказ Эссена о производстве на крейсере обыска (здесь и далее примечания автора).

вел I». При прощании Охота говорил о новых арестах, о готовящемся суде над матросами. Дыбенко молчал, опустив голову.

— Не печалься, друг, это временные неудачи. Будет и на нашей улице праздник! — сказал Охота.— Будет! — еще раз повторил он.

Охота поведал, что собирается прощаться с флотом.

— Двадцать пять лет протрубил,— говорил он.— Лучшие годы прошли на кораблях и в экипажах. Теперь попал на подозрение полиции...

«Боится царь нас!»

Поезд бежал, стучали колеса, свистел паровоз. Среди пушистого снега мелькали уютные хутора, одинокие домики с островерхими черепичными крышами. И всюду лес — ели, осины, березы. «Все, как в России, а не похоже»,— думал Павел.

Вот и столица великого княжества Финляндского — Гельсингфорс. По городу шли толпой, старались не отстать от бывалых моряков. А те шагали степенно, произносили мудреные названия улиц и площадей, будто прожили в этом городе всю жизнь.

Тесной кучкой постояли на каменной стенке, смотрели на гавани. Разошлись по своим кораблям — «железкам», как их звали матросы.

Поднялся на высокий борт своего линейного корабля и Дыбенко. Стал он матросом-электриком 5-й роты. Специальность знал отлично. Это быстро подметили опытные моряки. Товарищи помогли связаться с большевиками, членами судовой организации, предупредили, кого следует остерегаться... Корабль кишел шпиками, явными и тайными.

Узнал Павел новости и про Марусева. С ним все произошло, как и предсказывал Охота. После возвращения из Кронштадта Васю вызвал Небольсин, похвалил за ревностную службу и предложил «присматривать» за товарищами и ему, командиру, обо всем докладывать... «Шпионом не был и не буду!» — заявил Марусев и попросил уволить его. Небольсин тут же вызвал дежурного, приказал арестовать смутьяна... За отказ от военной службы суд приговорил Марусева к 2 годам и 11 месяцам тюрьмы с пребыванием в дисциплинарном батальоне...

Проходили дни. Стало пригревать солнце. Повеяло весной...

Линейный корабль готовился к плаваниям. Както нежданно-негаданно нагрянула большая группа адмиралов, каперангов и кавторангов. Командующий флотом Эссен любил устраивать такие набеги. Дыбенко увидел и Максимова, недавно назначенного командиром бригады крейсеров. Приступили к тщательной и придирчивой проверке.

После ужина комиссия покинула линкор. Экипаж уже знал — контр-адмирал Максимов заявил, что артиллеристы плохо подготовлены. Командующий флотом с ним согласился, дал месячный срок на устранение всех дефектов и пригрозил, что в противном случае не допустит линкор к участию в царских призовых стрельбах и не возьмет в заграничное плавание.

Линкор жил, словно в лихорадке. Небольсин рычал на офицеров, те на унтеров и кондукторов, а «козлами отпущения» были, конечно, матросы. Яростно ругал разгневанный Небольсин и адмирала Максимова, «которого сам черт принес на линкор...».

Не повезло «Павлу I» и на призовых стрельбах, царский кубок достался «Рюрику». Небольсин кричал на артиллеристов: «Вот скоро будет суд над сволочами, которые в прошлом году вздумали бунтовать. Вас ждет та же участь!»

Суд над арестованными матросами ожидался в июле. Ровно год следственные органы безрезультатно «добирались до главных виновников». Арестованные держались стойко, никого не выдавали. «Да мало кого и знали,— думал Дыбенко.— Среди них много случайных людей, на которых донесли шпики и тайные агенты. Даже сидевшим в тюрьме активистам не все было известно. На кораблях действует система пятерок, каждый связан только со своими ближайшими товарищами».

Подпольная работа не прекращалась ни на один день. Перед началом суда в трюмах, в кочегарке, в недосягаемых для шпиков закутках огромного корабля собирались пятерки, обдумывали, как помочь товарищам... Совещался со своей группой и Дыбенко. Матросы предлагали в день открытия суда поднять восстание.

— Ну арестуем офицеров. Линкор захватим, а дальше что? — спрашивал Павел.— Если другие корабли не поддержат, все кончится провалом.

Условились — в очередное увольнение, кому удастся сойти на берег, пусть разыщут знакомых подпольщиков и поговорят с ними.

— Тогда и решение примем,— заключил Дыбенко.

Оказалось, что «Андрей Первозванный», «Россия», «Громобой», «Богатырь», «Рюрик», «Паллада», «Адмирал Макаров», ряд миноносцев тоже готовились выступить в защиту подсудимых. Через преграды и кордоны доходили ободряющие вести из

Петербурга, Кронштадта и Риги; там с каждым днем нарастало возмущение против готовящейся расправы над балтийскими моряками.

Правительство и командование флота приняли свои контрмеры. За два дня до начала суда, 15 июля, с рассветом прозвучал сигнал учебно-боевой тревоги: по приказу Эссена корабли выходили из Гельсингфорса; их рассредоточили по просторам Балтийского моря, загнали в шхеры и держали «до особого распоряжения».

Обстановка на «Павле I» тревожная. Дыбенко знал —тревога охватила и другие корабли. Ждали решения суда. На десятый день приговор был оглашен: матросы, участвовавшие в подготовке восстания в июле 1912 года, осуждены на сроки от 4 до 16 лет, и лишь незначительная часть оправдана. И когда, казалось, у нижних чинов терпение иссякло и вот-вот разразится гроза, вдруг разнеслась весть: царь издал манифест о помиловании осужденных, за исключением 4 человек. Произошло это ровно через час после вынесения приговора. Оперативность невиданная! «Что это? Неужели царь стал добрее? — размышлял Дыбенко.— Ведь еще незадолго до суда черносотенная печать предвещала мятежникам страшные кары. Об этом злобно говорили и офицеры «Павла I», особенно Небольсин...

Не из любви к матросам издал манифест о помиловании кровавый Романов. Народного гнева испугался. Вот и подбросил подачку бурлящим Петербургу, Кронштадту и Балтфлоту. Пугает царя зловещая тень 1905 года. Именно страх перед новой революционной бурей заставил самодержца освободить моряков. Значит, силен народ, сильны и мы, матросы, боится царь нас!»

Матросов забыли

Начался заграничный поход.

И правительство, и флотское командование придавали большое значение предстоящим визитам в Англию, Францию, Германию, Норвегию. Не шутка! Перед всем миром продемонстрировать морскую мощь великой России!..

Хотелось и матросам посмотреть «заграничную жизнь». Первая остановка в Портсмуте. Разрешено увольнение на берег. О своем пребывании на земле Великобритании Павел впоследствии напишет: «Живется хорошо рабочему только в сказочном мире да «заграницей», которую нам не удастся увидеть... Не велика разница между конституционной Англией и монархической Россией...» Безрадостное впечатление оставило и пребывание во французском Бресте. «Для рабочего — один удел: жестокая борьба против насилия и рабства, против беспощадной эксплуатации труда...» Потом были встречи с французскими матросами. Они принимали русских товарищей «с чувством взаимной дружбы, взаимного доверия и взаимного понимания».

А в Германию русские корабли не пошли. Изменение маршрута эскадры матросы расценили посвоему: не миновать войны.

После посещения Норвегии эскадра вернулась в свои гавани...

И война грянула.

На кораблях зачитывался приказ командующего флота Балтийского моря адмирала фон Эссена... Дыбенко с грустной усмешкой смотрел на бледного перепуганного Небольсина, тот стоял перед строем, а бумага плясала в его руках.

— Волею государя императора объявлена вой-

на...— наконец услышали моряки дрожащий голос командира.— Поздравляю Балтийский флот с великим днем, для которого мы живем, которого мы ждали и к которому готовились...

«Если судить по твоему «бравому» виду, кажется, подготовились очень плохо»,— размышлял Павел.

Эссен обращался к офицерам и командирам, ставил перед ними задачи, призывал вступить «в бой без колебаний, думая только о нанесении врагу тяжелых ударов, какие только для нас возможны...»

«Все учел командующий, лишь про нас, матросов, забыл,— молвил про себя Дыбенко.— Ох, и ненавидит нас, живоглот!»

Не ускользнула эта «забывчивость» Эссена и от других матросов:

— Командующий-то нас обошел... Может, по домам распустит... Пускай одни господа офицеры воюют...

Настал «великий день» и для «Императора Павла I». Небольсин вывел дредноут в Балтийское море. Экипаж надолго запомнил поведение командира. Он трусил и нагонял на всех панику, не переставал молить бога, чтобы помог избежать встречи с немцами. Повезло Небольсину, с немецкой эскадрой «Павел I» не встретился. Утром благополучно пришли в Ревельскую гавань, завершив свой первый «знаменитый» поход...

Первое военное лето не принесло побед Балтийскому флоту. Терпела поражение и армия. Немцы заняли Польшу, часть Прибалтики и Белоруссии.

Минула зима. В мае внезапно умер адмирал фон Эссен. Командующим стал В. А. Канин, моряк посредственный, он так же боялся и презирал матросов, за малейшие проступки списывал их с кораблей и отправлял на сухопутный фронт...

Восстание

На «Павел I» возвратился Василий Марусев. А до него на корабле появился Николай Ховрин.

Вася, шутя, говорил товарищам, что теперь он меченый. Снял тельняшку и показал спину. На ней ряды красных рубцов. Высекли, как он сказал, по приказу командира дисциплинарного батальона.

— Будете сидеть сложа руки — и вас скоро бить станут,— сердито произнес Марусев.— Действовать надо!

На следующий день в котельной встретились Павел Дыбенко, Григорий Светличный, Василий Алпатов, Григорий Чайков, Иван Чистяков. Совещались недолго. Решили связаться с руководителями Главного судового коллектива РСДРП в Кронштадте Иваном Сладковым или Тимофеем Ульянцевым, а если представится возможность, то и с Петроградским комитетом большевиков.

И все сложилось как нельзя лучше. Само начальство «помогло» подпольщикам. «Павла I» отправили на несколько дней в Кронштадт произвести кое-какой ремонт. Но Небольсин ведь мог никого на берег не отпустить. И Дыбенко нашел повод для увольнения, заготовил требования на электродетали. Механик охотно их подписал...

Павел пошел на Цитадельскую. Старушка хозяйка сказала, что унтер-офицер уехал, адреса не оставил. Жалел Дыбенко, что не застал друга, помощь и добрый совет Охоты сейчас так нужны были. Да и Главный судовой коллектив РСДРП не так просто оказалось разыскать, организация конспиративная. Приуныл Павел. Пошагал к линкору. По дороге встретил морского унтера. Тот ответил на приветствие да еще участливо спросил:

— Что, служивый, не веселый? Аль деньги украли?

«Топал бы ты своим фарватером»,— не без злости подумал Дыбенко, но смолчал и шагу не прибавил, обернулся, а чернявый унтер стоит, смотрит, по-доброму улыбается. И сорвалось с языка у Павла:

— Бабушка умерла, а хоронить не на что, в кармане ни гроша. Оттого и грустный.

— Бабушку, конечно, жалко,— сказал унтерофицер.— Только что же унывать, она свое отжила. А деньги найдем — шапку по кругу, и все тут. Другого горя нет?

— Если такой добрый — помоги разыскать унтер-офицера Сладкова. Зовут Иваном Давыдовичем.

— Я Сладков, а ты — Дыбенко с «Императора Павел I». Откуда знаю — не расспрашивай.

И рассказал, что они с Ульянцевым по очереди дежурили в районе стоянки «Павла I», все ждали Ховрина, Светличного или Дыбенко.

Так удалось установить связь с руководителями Главного судового коллектива РСДРП, получить пятьсот экземпляров прокламаций Петербургского комитета партии для Главной базы.

— Пусть каждый матрос знает, кому нужна война и почему мы выступаем против нее,— говорил Сладков.— Там изложено, за что борются большевики.

...«Павел I» вернулся в Гельсингфорс и занял свое постоянное место в гавани.

В один из вечеров, когда матросы на «Павле I» ужинали, разнеслась весть: на «Гангуте» бунт!

«Что это? — встревожился Павел.— Вчера видел Полухина, передал ему прокламации. О восстании Володя ничего не говорил. Значит, вспыхнуло внезапно»...

А старший офицер «Павла I» Гертнер уже подбирал надежных матросов и унтер-офицеров, чтобы в случае необходимости послать на «Гангут» усмирять бунтовщиков. Значит, дело серьезное. Надо помочь товарищам. Но как? Павел встретил Марусева, потом Ховрина. Решили собраться на броневой палубе в два часа ночи. Оповестили активистов... Пришли 130 человек. Горячо спорили. Одни — в их числе и Дыбенко — стояли за решительные действия: перебить офицеров; захватить линкор и присоединиться к «Гангуту». «Флот к восстанию не готов, все может кончиться поражением, а силы нужно собирать и беречь». Так говорил Ховрин. Его поддержали Светличный, Марусев. Дыбенко согласился с товарищами. Решили: установить контакт с Кронштадтом и петроградскими организациями.

Стихийное выступление на «Гангуте», как выяснилось, началось во время ужина. Вместо макарон, которые обычно выдавали после угольных авралов, была подана прескверная каша. Команда есть отказалась... «Каша — только повод,— думал Дыбенко.— Гангутцы восстали против войны, каторжной дисциплины и ненавистного самодержавного строя...»

Правительство и флотское командование быстро приняли меры, помешали стихийно возникшему восстанию перерасти в вооруженное выступление. На «Гангуте» арестовали 95 человек, на крейсере «Россия» — 16, а на других кораблях вылавливали активистов. На «Павле I» выбрали Николая Ховрина и Василия Марусева. «Уже сидели в тюрьме — значит, бунтари». В Кронштадте разгромили Главный судовой коллектив РСДРП, а его руководителей — Ивана Сладкова, Тимофея Ульянцева и других — отдали под суд, и всем им грозило длительное тюремное заключение.

«Как помочь гангутцам?» — размышлял Дыбенко. И он решился...

Возвратившись из увольнения, поделился с товарищами:

— Был у адмирала Максимова, просил выступить на суде в защиту унтер-офицера Франца Янцевича и Григория Ваганова. Они старшие по званию среди арестованных и им грозит смертная казнь.

— И как это тебе на ум взбрело,— сердито спросил Светличный.— Ходить к адмиралу?

Дыбенко ответил, что ходил он вместе с бывшим вестовым адмирала Васильевым и что Максимов обещал подумать.

Через день стало известно, что вице-адмирал Максимов экстренно выехал в Англию[1]. Удивился Дыбенко такой поспешности: «Что бы все это значило?»

Арестовали и Павла, но быстро выпустили и вместе с другими отправили на сухопутный фронт под Ригу.

— Запомнят нас господа армейские генералы,— говорил Павел товарищам.— След в солдатских сердцах оставим.

С морским батальоном Дыбенко попал в район Сарнанайса. Его рота занимала оборону на участке так называемой Пулеметной горки. Павел быстро подружился с солдатами-фронтовиками. Сибиряки расспрашивали о флотских делах, жаловались на свое горькое окопное житье. Улучив момент, когда поблизости не было фельдфебеля, Дыбенко прочитал

---

[1] Андрей Семенович Максимов рассказывал автору в 1950 году, что командировка в Великобританию, куда его срочно отправили, не вызывалась военной необходимостью. «Как видно, из боязни, что я действительно выступлю на суде в защиту Янцевича и Ваганова, и опасаясь политического скандала, меня и выпроводили на время из России»,— говорил он.

фронтовикам прокламацию Петроградского комитета РСДРП, рассказал о восстании на «Гангуте», о настроении на Балтике.

Ночью намечалась атака. «Ее не будет!» — Дыбенко в этом был уверен. Так и случилось. Ни моряки, ни солдаты не поднялись. Угрозы, брань офицеров, фельдфебелей действия не возымели.

Морской батальон перебросили на новый участок. Пытались с ходу послать в атаку, но матросы опять отказались, говоря, что офицеры пропили их жалование, что харчи плохие...

Пока армейское начальство разобралось, что к ним с флота попали «политически неблагонадежные», солдаты-сибиряки уже были «обработаны». Моряков построили, привели на железнодорожную станцию, посадили в вагоны. В пути разоружили. «Как видно, решили подвести наши «фронтовые успехи» под статьи морского устава о наказаниях». Товарищей же Павел подбадривал:

— Всех судить не осмелятся.

Под суд отдали немногих. Но Дыбенко привлекли. В обвинительном акте говорилось, что моряки и солдаты 45-го сибирского стрелкового полка под влиянием агитации Дыбенко отказались идти в наступление. Приговор оказался «мягким»: два месяца заключения с последующим переводом в штрафники.

Пока Павел «воевал» на суше, а потом отбывал наказание, на флоте произошло много разных событий. Судили гангутцев: Ваганова и Янцевича, как старших среди обвиняемых, приговорили к смертной казни [1], остальных — к разным срокам заключения.

[1] В связи с выходом книги «Штормовой океан» (см. примечание на стр. 10), в которой приводится приговор суда по делу гангутцев, газета «Калининградская правда» в номере от

С «бунтарями» расправились, а начальство продвинулось по служебной лестнице,— думал Дыбенко. Все офицеры «Павла I» получили очередные воинские чины и награды. Небольсин стал контр-адмиралом, командует 2-й бригадой дредноутов, его заменил Дмитриев 5-й. Канина сменил вице-адмирал А. И. Непенин.

Дмитриев 5-й не принял Дыбенко на линкор. «Своих смутьянов хватает». Назначили Павла на транспортное судно «Ща» баталером.

— Конечно, обидно, что не пустили на свой корабль,— говорил Дыбенко товарищам.— Но все же мне повезло. Должность унтер-офицерская. Имею постоянный пропуск на берег...

Крушение империи

Павел мог отлучаться с судна, встречаться с нужными людьми, выполнять поручения партии. По делам службы его посылали в командировки... Вечером 23 февраля он выехал в Петроград. На Финляндском вокзале расхаживали только городовые и жандармы. В центр города никого не пускали... У знакомых на Выборгской стороне узнал: «В столице началось восстание — революция!». Павел побежал разыскивать Выборгскую партийную органи-

---

2 февраля 1960 года писала о том, что Григорий Степанович Ваганов до сих пор здравствует, живет в поселке совхоза имени Гастелло Славского района. Смертная казнь ему и Янцевичу была заменена пожизненной каторгой. «После Февральской революции,— писала газета,— Григорий Степанович был освобожден по приказу героя повести вице-адмирала Максимова, бывшего в то время командующим революционным Балтийским флотом».

зацию. Нашел быстро. Тут всем дела хватало. Моряка приняли с радостью.

Вместе с группой большевиков-выборжцев Павел ездил в казармы Московского полка, разъяснял колеблющимся солдатам цели и задачи революции.

Взобравшись в кузов грузовой машины, громко, чтобы все слышали, он говорил:

— Балтийские матросы вместе с восставшим народом, не отставайте от нас и вы, товарищи пехотинцы!

Солдаты присоединились к восставшим...

Досадовал Павел, что не может попасть на Главную базу — поезда не ходили. Как только возобновилось железнодорожное сообщение, выехал в Гельсингфорс. На вокзале его окружили друзья, узнал, что 3 марта на грандиозном митинге командующим Балтийским флотом избран вице-адмирал Максимов, а адмирал Непенин убит. Убит и Небольсин. По-новому называются и корабли: их линкор — «Республика», «Цесаревич» — «Гражданин», «Император Александр II» — «Заря свободы», «Двина» опять стала «Память Азова». Светличный с товарищами пригласили Дыбенко на заседание Гельсингфорсского Совета:

— Мы тебя от «Республики» в Совет избрали. Ожидается выступление Максимова! Павел уважал адмирала и был весьма доволен, что именно он избран командующим.

Заседание Совета вначале проходило довольно спокойно. Но при обсуждении резолюции по текущему моменту делегаты резко разделились на две непримиримые группы — офицеров и матросов. «Оскалили клыки, с ними борьба предстоит упорная и длительная»,— сделал вывод Дыбенко и не ошибся...

Офицеры организованно, настойчиво выступали за ограничение прав матросских комитетов, против выборности и смещения начальников и вообще против демократизации порядков на флоте. Их поддерживало морское министерство, в составе которого никаких изменений не произошло — там жили и правили по старым царским законам.

Дивились матросы:

— Правительство новое, а дела идут как при царе.

«Выходит, революция мало что изменила,— думал Дыбенко.— Война продолжается, народ бедствует, разруха в стране углубляется, у власти стоят помещики и капиталисты. Заседания Гельсингфорсского Совета превратились в пустую говорильню. Решающее слово там имеют меньшевики и эсеры. Их в Совете большинство».

Перед флотскими большевиками жизнь ежедневно выдвигала вопросы один сложнее другого, ответить на которые не хватало ни знаний, ни опыта. Большую помощь оказали товарищи, возвратившиеся из тюрем. На «Республику» прибыли Ховрин и Марусев.

— Надо издавать свою газету!

Дыбенко, Светличный, Ховрин, Марусев, Штарев писали заметки, воззвания. На транспорте «Ща» имелся ротатор, на нем их размножали, потом разносили по кораблям. Светличного отправили в Петроградский комитет партии большевиков.

— Проси, чтобы прислали опытных агитаторов, а главное — пишущих,— наставлял своего друга Павел...

Вернулся Григорий быстро, доложил:

— Подмога будет!

И вот первая ласточка. На «Ща» появился кра-

сивый голубоглазый молодой человек, волосы расчесаны на пробор. Представился: Борис Жемчужин. Большевик, бывший студент Технологического института, недавно вышел из «Крестов». В Гельсингфорс приехал из Кронштадта, где помог выпустить матросскую газету «Голос правды».

Вскоре прибыл Леонид Старк, революционер, журналист, хотя молодой, но уже сидел в царских тюрьмах. Под стать ему Иван Егоров (К. Орлов), А. Ф. Ильин-Женевский, С. Г. Пелихов...

30 марта на кораблях главной базы уже читали свою матросскую газету «Волна». «Поднялась волна революции,— так начиналась редакционная статья.— Смело ринулась она на темную, мрачную скалу, одним ударом обрушила она ее подмытые, расшатанные устои... Не упадет, не успокоится волна, но будет расти, вбирая в себя новые силы, пока не довершит свое дело, дело правды...»

Председатель Центробалта

Большевики-балтийцы активно разоблачали соглашательскую политику меньшевиков и эсеров. Дыбенко вместе со своими единомышленниками настаивал на создании большевистской организации Главной морской базы.

— Без нее нас съедят с потрохами,— говорил он.

25 марта Павел пригласил на «Ща» представителей матросских партийных комитетов с «Республики», «Петропавловска» и «Двины». На этом совещании было решено создать Свеаборгский комитет РСДРП(б). Избрали руководящую группу: Дыбенко, Марусев, Ховрин, Мальков. А в начале апреля состоялась городская конференция, которая избрала Гельсингфорсский комитет РСДРП(б). ЦК партии

большевиков утвердил новую организацию. Газета «Волна» стала ее органом...

В те же дни команды линкора «Гражданин» и крейсера «Адмирал Макаров» выступили с обращением к кронштадтцам, ревельцам, свеаборгцам создать общий Совет депутатов Балтийского флота, «в котором были бы представители от всех судов и дивизионных комитетов». Гельсингфорсские большевики поддержали обращение. Отозвались положительно матросская секция Гельсингфорсского Совета, подавляющее большинство судовых комитетов. Не мешкая, на местах избрали делегатов. А 28 апреля на невзрачном маленьком суденышке «Виола» открылось первое заседание. Этот день и стал днем рождения Центрального Комитета Балтийского флота — Центробалта.

29 апреля делегаты приняли устав. Центробалт признавался высшей инстанцией для всех флотских комитетов, без его одобрения ни один приказ, касающийся внутренней и административной жизни флота, не имел силы.

В этот день в Гельсингфорсе проходила массовая демонстрация. В первых шеренгах — члены Центробалта. Стройными рядами шли команды линейных кораблей «Республика», «Петропавловск», «Слава». На полотнищах — большевистские лозунги: «Долой заем свободы! Ни копейки на продолжение империалистической войны!», «Вся власть Советам!»

Еще накануне вечером Дыбенко пригласили в Гельсингфорсский комитет РСДРП(б). Там, как всегда, людно. Все свои — члены комитета. Незнакомой была только одна удивительной красоты женщина; пепельно-русые вьющиеся волосы в каком-то естественном беспорядке обрамляли лицо. Казалось, она только что сошла с картины и случайно оказа-

лась в этой прокуренной комнате. «Что за чудо? Откуда ты явилась?» — думал Дыбенко, не спуская глаз с незнакомки. Жемчужин перехватил его недоуменный взгляд, объяснил:

— Это товарищ Коллонтай Александра Михайловна, член Петроградского комитета.

Павел сел на свободный стул рядом с Коллонтай. «Кажется, я волнуюсь?»

— Вот вы какой, Дыбенко,— произнесла она и широко улыбнулась.— Таким я вас и представляла.

Жемчужин стал объяснять Павлу, для чего его вызвали. Завтра горячий день. Выступать против «займа свободы» в Гельсингфорсском Совете будут Александра Михайловна, Ильин-Женевский и другие. А Дыбенко и членам партийного комитета предлагалось возглавить флотскую демонстрацию и выступить на Сенатской площади.

Уходя, Павел глазами встретился с Александрой Михайловной. Та тепло улыбнулась... И надо же такому случиться! Влюбился... Пройдет время, и они, Дыбенко и Коллонтай, станут самыми близкими друг другу людьми — мужем и женой...

Намеченная демонстрация состоялась. Дыбенко выступил и сразу после этого направился на заседание Совета. Коллонтай уже заканчивала свою речь:

— Правительство хочет продолжать братоубийственную войну. Долой военный заем! Никто не должен голосовать за него!

«И я ведь сейчас говорил об этом же»,— Павел смотрел на Коллонтай. Закончив выступление, она, элегантно поддерживая шлейф бархатного платья, мягко, с подчеркнутой грациозностью прошла в президиум и села рядом с Ильиным-Женевским.

Подождав, пока смолкнут редкие хлопки и такие же недружные выкрики «ура», председательствую-

щий С. А. Гарин предоставил слово лидеру правых эсеров Котрохову. И по тому, с каким подъемом тот начал речь в поддержку «займа», восторгаясь «дальновидностью» Временного правительства, и по оживлению в зале Дыбенко понял: «Провалят нашу резолюцию»... Так и произошло: за нее было подано 127 голосов, против — 217.

Уезжая из Гельсингфорса, Александра Михайловна обещала в самое ближайшее время вернуться и побывать на кораблях.

— Надеюсь, моряки меня не прогонят? — спросила она Дыбенко.

— Будем с нетерпением ждать вас!..

Заседания Центробалта продолжались. 2 мая делегаты тайным голосованием избрали исполнительное бюро из девяти членов. Председателем Центробалта стал Павел Дыбенко.

На «Виоле» взвился флаг Центробалта: большое красное полотнище с двумя скрещенными якорями в центре и буквами по углам — ЦКБФ. На Балтийском флоте образовались две власти: «неофициальная» — Советы, судовые, береговые и местные комитеты во главе с Центробалтом, и власть официальная — командование флота, офицерский корпус и комиссар Временного правительства — проводники диктатуры буржуазии.

Официальная власть мешала работать центробалтовцам. Пришлось Дыбенко с делегатами поехать в Петроград к военному и морскому министру. Принял их Керенский в огромном кабинете в Адмиралтействе. Сесть не предложил. Молча рассматривал матросов, поглаживал рыжеватый бобрик и покачивал большой головой.

— Как там у вас? — спросил.

— Дела плохи,— ответил Дыбенко.— Медленно

строятся батареи на Цереле, на островах Вульф, Нарген, Суропе, Макилото.— Назвал виновников. Доложил и о других серьезных упущениях. В заключение объяснил: — Центробалт для того избрали, чтобы помочь командованию скорее устранить недостатки, а поэтому необходимо объявить приказом, что ЦКБФ — учреждение законное и устав утвердить.— Павел вручил текст.

Керенский прочитал раз, другой и отложил в сторону:

— Пускай санкционирует морская секция при Петроградском Совете.— А Центробалт как флотскую организацию узаконил. Обещал в ближайшее время посетить Гельсингфорс.

Почему разгневался Керенский?

Когда Гельсингфорс готовился торжественно встретить Керенского, Дыбенко на Главной базе не было. Отсутствовали и многие члены Центробалта — они были на кораблях. Вернулись накануне «торжеств». Узнав о намеченных мероприятиях, председатель срочно собрал Центробалт.

— Знаете ли вы, зачем приезжает к нам министр? Чтобы уговаривать матросов вести войну до победного конца. А мы собираемся устраивать ему пышную встречу!..— Дыбенко умел отстаивать и проводить большевистскую линию в многопартийном Центробалте. И сегодня он был немногословен, решителен. Зачитал проект постановления ЦКБФ: приказ командующего о параде в части, касающейся флота, отменить. Министра могут встречать по своему желанию гуляющие на берегу.

«Виолу» стали осаждать представители Гельсингфорсского Совета, меньшевистские и эсеровские лидеры, просили отменить «позорное» решение.

— Все будет так! — твердо заявил председатель Центробалта...

К утреннему поезду 9 мая прибыли встречать министра депутаты Гельсингфорсского Совета и офицеры штаба. От Центробалта — Дыбенко. Выйдя из вагона, Керенский выразил неудовольствие и командующему флотом, и председателю Центробалта — почему нет на перроне матросов.

— Время военное, нельзя моряков отрывать от служебных дел,— ответил Дыбенко.

С вокзала министр поехал в Гельсингфорсский Совет, где соглашательские лидеры приняли его тепло и радушно. После торжественного обеда и отдыха Керенский направился в штаб флота, который находился на посыльном судне «Кречет».

Готовились к приему и на «Виоле». Раздался резкий звонок штабного телефона. Павел взял трубку. Комиссар Временного правительства Онипко передавал приказ Керенского: ровно к четырем часам дня всему Центробалту явиться на «Кречет». Закрыв трубку, обращаясь к товарищам, Дыбенко сказал:

— Ну и нахал!

А комиссара просил напомнить министру, что Центробалт — это учреждение:

— Не учреждение ходит к министру, а министр — в учреждение... Доложите министру, что мы просим его зайти к нам.

Вставив трубку в гнездо, Дыбенко зло произнес:

— Придет как миленький. Сам убедится, что на Балтику ему соваться не за чем.

И Керенский пришсл. Его сопровождала свита штабных офицеров и два личных адъютанта. Важно,

с достоинством вступил министр на трап и был удивлен: встретили как полагается. А ему еще твердили, что на «Виоле» беспорядок, что там анархия и неразбериха. И вдруг! На трапе стояли фалрепные — специально выделенные матросы, а фалрепы — концы троса — обшиты новым сукном. Дежурный по всем правилам отдал рапорт. Дыбенко представил членов ЦКБФ.

Керенский, приняв любимую позу «под Наполеона» — правую руку за борт френча, левую за спину,— начал произносить приветственную речь, длинную и бессодержательную.

Ховрин прервал:

— Мы собрались не для митингования, а чтобы разрешить практические вопросы,— и предложил приступить к делу.

— Состав Центробалта придется пересмотреть,— сердито произнес министр.— Адъютант, запишите.

Дыбенко корректно заметил, что кое-кто действительно мешает работать (имел в виду меньшевиков и правых эсеров), их для пользы дела следовало бы заменить.

Началось утверждение документов. Дыбенко подал министру и устав Центробалта. На уставе появилась надпись: «Утверждаю» и подпись: «Керенский».

Когда с документами было покончено, министр направился на линейный корабль «Республика». Экипаж встретил Керенского сдержанно, официально, без оваций и возгласов «ура»; и едва он окончил речь, Светличный от имени команды вручил матросские требования, выработанные Гельсингфорсским комитетом РСДРП(б) и Центробалтом. Министр отделался общими фразами и ни на один вопрос не дал конкретного ответа...

Еще более холодный прием был на линкоре «Петропавловск» и крейсере «Россия».

Вечером в Народном доме Керенского принимал Гельсингфорсский Совет.

После льстивых приветствий меньшевиков, эсеров и анархистов выступил Дыбенко.

— Временное правительство обманывает народ,— сказал он.— Ни одно из требований масс оно не выполнило. Зачем приехали вы в Гельсингфорс? Уговаривать матросов Балтийского флота сражаться в угоду капиталистам, которым вы служите? Но флот за вами не пойдет, и вы это уже слышали на «Республике», «Петропавловске», «России». Народ устал от войны, он требует мира.

Речь председателя Центробалта прозвучала как вызов. Устроители приема подняли страшный шум. Павел продолжал говорить, и заключительную фразу: «Балтийцы не будут сражаться в угоду империалистическим хищникам!» — выкрикнул громко, так, чтобы эти слова прорвались через вопли соглашательских депутатов.

Разгневанный Керенский покинул заседание и уехал из Гельсингфорса...

Черносотенные газеты столицы в один голос обрушились с грязной клеветой и руганью в адрес Центробалта и его председателя, экипажей линейных кораблей «Республика» и «Петропавловск»: флот-де разложился и не способен защищать столицу, вопила пресса.

— Придется дать бой разнузданным злопыхателям,— говорил Дыбенко товарищам.

И вот собравшиеся на «Республике» комитеты 2-й бригады линкоров единодушно приняли резолюцию, в которой заявили, что война, как бремя, возложенное на трудящийся народ капиталистами, мас-

сам не нужна. Моряки потребовали от Петроградского Совета и Временного правительства принять «меры к скорейшей ее ликвидации, но пока война продолжается, мы стоим на страже русской свободы и готовы отразить врага, откуда бы он ни появился»...

Побеждают большевики

Новый удар по Временному правительству нанес I съезд моряков Балтийского флота. День его открытия — 25 мая — выдался на редкость теплый, солнечный, тихий. Поднимаясь по трапу на празднично украшенную сцену, Дыбенко, чуть улыбнувшись, сказал шагавшему рядом Николаю Маркину — делегату от Кронштадта:

— На море штиль, а здесь ураган страстей. Послушай, как шумят.

Собралось 220 делегатов. Около трети — большевики и им сочувствующие, почти четверть — меньшевики, эсеры и анархисты, остальные беспартийные...

Острая борьба разгорелась при обсуждении проектов устава Центробалта. Их два — комиссии ЦКБФ и штаба флота. Три дня спорили. Подавляющим большинством приняли устав, выработанный комиссией Центробалта. Это была победа большевиков. Центральный комитет Балтийского флота объявлялся высшей организацией для всех матросских комитетов, главным выборным органом, без одобрения которого «ни один приказ, касающийся жизни (Балтийского) флота, исключая чисто оперативной и связанной с ней технической деятельности, не имеет силы без одобрения ЦКБФ».

Группа моряков во главе с Маркиным отправилась к военному и морскому министру утвердить устав. Не успела она доехать до Адмиралтейства, как на съезд прибыл полномочный представитель Керенского, управляющий делами морского министра Лебедев, в недавнем прошлом офицер французского флота, не потрудившийся даже сменить иностранную форму. Его избрали в президиум. Лебедев полез на трибуну и, размахивая руками, начал угрожать:

— За такой устав Александр Федорович вас всех разгонит.

— Долой! Лишить болтуна слова! — кричали делегаты.

И тут же попросили убраться из президиума.

— Вот так-то, поостынь малость,— вслед ему негромко произнес Дыбенко...

На трибуну поднялся Светличный.

— Адмирал Максимов освобожден с поста командующего, назначен Вердеревский! — крикнул он.— Керенский ему уже и звание контр-адмирала присвоил. Экипаж «Республики» возмущен действиями Временного правительства! Матросы требуют, чтобы Вердеревский спустил свой флаг и поднял флаг вице-адмирала Максимова! В противном случае «Республика» откроет огонь по «Кречету»!

Светличного сменил представитель «Петропавловска». Он тоже заявил, что их линкор поднял флаг Максимова:

— Он командующий!

Съезд бушевал. Пришлось объявить перерыв. Делегатам от Главной базы рекомендовали разойтись по кораблям и успокоить команды.

И все же нельзя допустить, чтобы конфликт перерос в преждевременное вооруженное восстание.

Дыбенко направился в Гельсингфорсский комитет РСДРП(б). Было решено отпустить Максимова.

Командующих пригласили на съезд, избрали в президиум.

Максимов поднялся на трибуну. Говорил взволнованно, душевно, признался, что хотя ему тяжело расставаться с матросами, которых любит, но вынужден подчиниться и отбыть в ставку в Могилев. Делегаты, стоя, аплодировали ему.

Выступил и Вердеревский. Он был явно обескуражен, его вялую речь никто не слушал.

— Будем работать вместе,— пообещал он,— рука об руку, нога в ногу...

«Поживем, посмотрим, а то и прогоним»,— подумал Дыбенко.

На съезде опять появились представители из столицы. Встревоженный успехами матросов-большевиков, Керенский прислал на съезд товарища морского министра Дудорова и, видимо, опасаясь, что и его постигнет участь Лебедева, прикомандировал к нему известного демагога, члена Петроградского Совета меньшевика В. С. Войтинского, поручив им во что бы то ни стало склонить делегатов на сторону Временного правительства.

— Это вы, Дыбенко, вносите смуту,— заявил Войтинский.— Настраиваете матросов против законной власти.

— Объясните это всем с трибуны,— спокойно произнес Павел.— Только учтите, делегаты вряд ли поддержат вас.

Ничего не добившись, и эти посланцы удалились с Главной базы.

Вернулся из Петрограда Маркин с моряками. Он сообщил делегатам, что Керенский не утвердил устав Центробалта, не подписал его и Вердеревский.

— У революционного флота должен быть и революционный адмирал, который бы считался с нами, большинством, а не царский чиновник,— зло произнес Маркин.— Мы изберем себе другого командующего!

Съезд решил ввести устав Центробалта в действие и проводить его в жизнь до Всероссийского флотского съезда... В тот же день избрали восемь делегатов на I Всероссийский съезд Советов, половина их — большевики.

На последних двух заседаниях — 14 и 15 июня делегаты слушали доклады П. Е. Дыбенко и офицера штаба флота Л. П. Муравьева по одному из самых острых вопросов — «О взаимоотношениях Центробалта со штабом флота». И опять прошла резолюция, предложенная Дыбенко: Центробалту предоставлялось право контролировать деятельность командующего и его штаба.

Павел был доволен. «После решений съезда власть командующего во флоте была сведена на нет»,— запишет он в своих воспоминаниях.

Еще во время работы флотского съезда в Гельсингфорс по заданию Я. М. Свердлова приехал Владимир Александрович Антонов-Овсеенко. Дыбенко встретился с ним в комитете РСДРП(б).

Антонов-Овсеенко сказал, что Свердлов хорошо осведомлен о делах Центробалта.

— Центральный и Петроградский комитеты партии, товарищ Ленин,— говорил он,— очень рассчитывают на флот. Действуете вы правильно. Однако главное впереди. Надо овладеть матросскими массами, привлечь их на сторону большевиков.

— Меньшевики и эсеры еще сильны у нас,— отвечал Дыбенко.— На Сенатской площади Гельсинг-

форса слышен только их голос. Нам туда вход пока закрыт. Вот и сегодня эсеры там митингуют.

Владимир Александрович предложил:

— Пойдемте...

Митинг уже кончался, люди начали расходиться.

— Товарищи, задержитесь! — громко крикнул Дыбенко.— Только что приехавший из эмиграции товарищ хочет порассказать вам кой-чего.

Несколько необычный вид «длинноволосого» эмигранта, как видно, заинтересовал, стали слушать...

«С этой поры,— вспоминает Антонов-Овсеенко,— оборонцы не смели до «июльских дней» выступать на Сенатской площади: она безраздельно была завоевана нами».

Антонов-Овсеенко возглавил организацию РСДРП(б) Гельсингфорса. Легче стало работать Дыбенко.

Керенский готовил давно задуманное большое наступление на фронте и собирал силы. Вердеревский получил от него приказ: в пятидневный срок сформировать из матросов-добровольцев шесть «ударных батальонов». Центробалт, действуя согласно своему уставу, отменил приказ Керенского. Дыбенко написал на приказе: «Ввиду недостатка специалистов на кораблях и угрозы наступления немецкого флота ни один матрос, верный революции, не может покинуть корабль... Тот кто добровольно покинет корабль, исключается из списков флота и считается дезорганизатором последнего». Против отправки на фронт лишних офицеров председатель Центробалта не возражал...

Революционный подъем на Балтике нарастал. 18 июня в Гельсингфорсе состоялась массовая де-

монстрация. Матросы, солдаты и рабочие требовали удаления представителей буржуазии из правительства, передачи всей власти в руки Советов, протестовали против наступления на фронте, против назначенных начальников и комиссаров Временного правительства.

Опять в Гельсингфорсе появились «уговариватели».

— Сразу три «апостола»,— смеялся Дыбенко,— и все «знатные».

Прибывшие правый эсер Авксентьев, меньшевик Гегечкори и председатель солдатской секции Петросовета меньшевик Завадский потребовали:

— Собирайте моряков, будем исправлять ваши «ошибки».

— Это можно,— согласился Дыбенко,— митинговать матросы любят.

21 июня на Сенатской площади вновь состоялся многолюдный митинг. И опять — под большевистскими лозунгами.

Так ни с чем и уехали «уговариватели» в Петроград.

В эти дни революционного накала Центробалт принял решение послать Дыбенко в столицу к товарищу Ленину получить указания, какую линию проводить, чтобы удержать матросские массы от преждевременных выступлений. И Павел поехал...

Центральный Комитет РСДРП(б) размещался на Большой Дворянской в бывшем особняке царской фаворитки балерины Кшесинской. Здесь и произошла встреча.

«Пробираюсь из комнаты в комнату,— вспоминал Дыбенко,— спрашиваю, можно ли Ленина видеть.

— А вы кто такой?

— Я председатель Центробалта.

Стою, расспрашиваю. Из соседней комнаты выходит человек средних лет, среднего роста, внимательные, с усмешкой глаза.

— Это Ленин.

Подхожу к нему.

— Разрешите получить от вас кое-какие указания и информацию для нашей работы, а то много ходит слухов о готовящемся вооруженном выступлении.

Говорю, кто я. Деловито, коротко обмениваемся первой фразой. От Ленина узнал, что никакого выступления не готовится, предполагается демонстрация.

— Уж тут следите сами,— сказал Ленин.— Но смотрите, не набедокурьте, а то я слышал, что вы там с правительством не ладите. Как бы чего не вышло.

— Ничего, Владимир Ильич, это наговоры, мы люди скромные и вперед батьки в пекло не полезем...»

Вернувшись на Главную базу, Дыбенко сразу же увидел неподалеку от невзрачной «Виолы» роскошную царскую яхту «Полярная звезда», стоявшую под флагом Центробалта. Припомнилось обещание кронштадтских делегатов на I съезде — переселить ЦКБФ на более солидный корабль. «Сдержали слово товарищи. Только ведь Керенский, наверняка, для себя берег это сокровище. Поди, скажет, Дыбенко украл яхту. Впрочем, нам не привыкать к нападкам».

В большом салоне яхты Павла уже ждали.

В «Крестах»

Начинался самый жаркий месяц — июль. Море — зеркально-гладкое, тихое. А флот жил предчувствиями близкой бури. Политическая обстановка накалена до предела. Центробалт и его председатель всячески сдерживали матросов, рвавшихся к активным действиям. Митинги возникали по любому поводу. Уже в последних числах июня стало ясно, что предпринятое Керенским наступление на фронте провалилось. Чтобы снять с себя ответственность за неудачи и дезориентировать начавшееся движение протеста в войсках и народе, министры-кадеты в ночь на 3 июля вышли из состава правительства. В этот день в Петрограде с раннего утра до поздней ночи проходили демонстрации. Народ требовал передачи власти Советам.

Не зная еще о событиях в столице, члены Центробалта-большевики обратили внимание на передвижение боевых кораблей. На Свеаборгском рейде появились пришедшие из Ревеля крейсеры «Адмирал Макаров», «Богатырь», «Баян», «Олег» и даже подводные лодки. С чего бы это? Новая дислокация не вызывалась военной обстановкой.

От матросов, работавших в штабе, Дыбенко узнал о тайных переговорах между начальником морского генерального штаба капитаном первого ранга Капнистом и начальником штаба флота капитаном первого ранга Зеленым. «За спиной Центробалта происходят какие-то темные махинации». Дыбенко поговорил с товарищами. Решили образовать секретную тройку по борьбе с контрреволюцией во главе с Ховриным. Ей поручили взять под контроль шифровальное делопроизводство штаба.

— Действуйте смело, по-революционному,— наставлял Дыбенко.

На крупных кораблях из самых преданных революции матросов создали дежурные взводы.

4 июля в 20 часов Николай Ховрин и Андрей Штарев без стука вошли в юзорубку. В ней они застали каперангов — начштаба Зеленого, флаг-капитана князя Черкасского, флаг-офицера Ренгартена, старшего лейтенанта Петухова. Появление представителей Центробалта в святая-святых штаба флота всех ошеломило. Показывая на ленту с цифровыми знаками, Ховрин потребовал от флагманского радиста Петухова:

— Читайте текст.

Ховрин и Штарев обнаружили документы не военно-оперативные, а политические, адресованные Вердеревскому за подписью помощника морского министра Дудорова. В них говорилось об обстановке в Петрограде. В одной из депеш, переданной в 19 часов 15 минут, Дудоров сообщал, что Временное правительство в согласии с ВЦИК приказывает немедленно прислать «Победителя», «Забияку», «Гром» и «Орфея» в Петроград, где им войти в Неву. «Идти полным ходом. Посылку их держать в секрете... Временное правительство возлагает на них задачу демонстрации и, если потребуется, действие против прибывших кронштадтцев...» Через пятнадцать минут — новая шифровка. Вердеревскому предписывалось принять меры к тому, чтобы ни один корабль без его приказа не мог подойти к Кронштадту. Предлагалось такие корабли топить.

— Значит, руками гельсингфорцев временные с ведома соглашательского ВЦИК хотят расправиться с кронштадтцами?! Что задумали живоглоты! — зло произнес Дыбенко, когда его познакомили с содержанием секретных депеш.

Командующего флотом пригласили на «Поляр-

ную звезду». Не хотелось Вердеревскому предавать широкой огласке шифровки. А пришлось... Его ждали представители 62 кораблей и весь состав Центробалта. Дыбенко сам зачитал депеши, затем проекты резолюций. В одной балтийцы требовали передачи всей власти в руки ВЦИК. Во второй — арестовать Дудорова, для чего направить в Петроград делегацию на эсминце «Орфей». Третья предлагала комиссару Временного правительства Онипко немедленно покинуть Главную базу. Моряки послали революционный привет петроградским рабочим и солдатам и заверили, что балтийцы всегда готовы оказать им поддержку.

В 3 часа 25 минут 70 делегатов во главе с Ховриным отбыли в Петроград...

На следующий день ближе к вечеру Дыбенко разговаривал по прямому проводу с делегатом I Всероссийского съезда Советов Маркиным и узнал от него, что Ховрин еще не принят ВЦИКом и будет ли принят — неизвестно. Это возмутило председателя Центробалта и он снова собрал представителей частей и кораблей Главной базы. Сообщил о разговоре с Маркиным. Все негодовали, потребовали послать в Петроград еще одну делегацию и заявить ВЦИК, что моряки будут признавать только власть, выдвинутую «из состава Всероссийского съезда Советов...». Избрали делегатов, старшим назначили Дыбенко.

Ночью на эсминце «Гремящий» делегация отправилась в столицу.

...Прождав весь день, 5 июля поздно вечером Ховрин с матросами, наконец, попал на заседание ВЦИК, которое вел меньшевик Н. С. Чхеидзе. С погромной речью выступал «специалист» по флотским

делам меньшевик В. С. Войтинский. Он утверждал, будто Центробалт и его председатель Дыбенко ввели в заблуждение матросов и натравливают их на Временное правительство. После него на трибуну поднялся Ховрин. Он зачитал резолюции и передал их Чхеидзе. В зале поднялся невероятный гвалт, депутаты кричали, свистели, топали ногами. Чхеидзе объявил перерыв, пообещав обсудить резолюции балтийцев завтра. Это была заведомая ложь, ибо уже состоялся сговор эсеро-меньшевистского ВЦИК и Временного правительства о наступлении на большевиков.

Вот что пишет об этом сговоре А. Ф. Керенский:

«Мое требование ареста Ленина, Зиновьева, Коллонтай и т. д. встретило сначала некоторые колебания со стороны ЦИК, представители коего по этому поводу явились во Временное правительство. В 1-м часу ночи все колебания прекратились, и даже делегаты Совета сняли с очереди свои возражения. Но в это время члены штаба округа уже приступили к выполнению арестов...»

При выходе из Таврического дворца юнкера арестовали весь состав первой делегации балтийцев. Ховрин и его товарищи ночь на 6 июля провели в «Крестах»...

А эскадренный миноносец «Гремящий», на борту которого находился Дыбенко со второй делегацией, всю эту ночь раскачивался на волнах Балтики и в 6 часов утра ошвартовался на Неве у Английской набережной. Сюда же почти одновременно подошел и миноносец «Молодецкий» под флагом комфлота Вердеревского. Набережная и прилегающие к ней улицы были оцеплены войсками и юнкерами.

— Вас встречают? — спросил председатель Центробалта Вердеревского. Адмирал пожал плечами...

Дальнейшее шло по тщательно разработанному плану. Вердеревского оттеснили, а делегацию окружили юнкера, посадили в автомобили и повезли на допрос, а потом в «Кресты»...

«Председатель ЦК Балтийского флота был арестован непосредственно чинами моего военно-морского кабинета»,— признается А. Ф. Керенский в своих воспоминаниях.

По его же приказанию Дыбенко был посажен в одиночную камеру, сырую, грязную. Свет еле-еле проникал через маленькое квадратное оконце под самым потолком...

Все тело ныло от боли, особенно правое плечо, по которому юнкер крепко ударил прикладом... Карцерный режим, плохая пища, побои сказались на здоровье. На шестой день Дыбенко перевели в лазарет, переполненный уголовниками. Скоро из лазарета выписали. Перевели в другую камеру.

Страх перед массами заставил Временное правительство освободить большинство членов Центробалта. Отпустили моряков-гельсингфорцев и участвовавших в июльской демонстрации кронштадтцев, правда, винтовки им не возвратили. А Дыбенко держали, хотя следствие было закончено. Его обвиняли в государственной измене, разглашении военных тайн, шпионаже, организации мятежей.

— Идут на подлоги, подтасовку фактов, на любую подлость — на все, лишь бы подвести под смертную казнь,— негодовал Павел...

Кончился июль, а суда не было. Не состоялся он и в августе...

Как-то через открывшееся окошечко в двери камеры Дыбенко увидел матросские бескозырки. Это Вася Марусев привел делегацию с «Петропавловска» и «Республики». Ребята принесли продукты и пачку

резолюций с требованием «немедленно освободить моряков из тюрьмы».

— Как же вас пропустили? — спросил изумленный Павел.

Марусев показал мандат и рассказал, что в Петрограде образован Центральный исполнительный комитет военного флота — Центрофлот при ВЦИК из моряков — делегатов I съезда Советов и он, Марусев, входит в него. Поведал Вася и о том, что большинство в Центрофлоте — меньшевики и эсеры и, конечно, поддерживают Временное правительство. С соглашательским болотом ведут борьбу большевики — Иван Сладков, Николай Пожаров, Николай Маркин, Владимир Полухин, он, Марусев, и другие.

Потом навестил Маркин, теперь он работал во ВЦИКе.

— Скоро тебя освободят под залог,— сказал он.— На этом настаивают большевики — члены Центрофлота и Гельсингфорсское матросское депутатское собрание[1]. Хорошую они характеристику тебе дали. На, читай.— Маркин передал лист с напечатанным на машинке текстом.— Читай вслух, и я с удовольствием послушаю.

«Он действительно был во время революции председателем ЦКБФ вплоть до его ареста в Петрограде... Выражаем ему сочувствие, как невинно пострадавшему за общее дело революции. Мы уверяем граждан России, что тов. Дыбенко страдает за наше дело русской демократии, и считаем своим прямым долгом заявить, что мы всей душой поддержим его как материально, а также политически...»

---

[1] Одна из выборных флотских организаций — объединенный орган кораблей и частей Гельсингфорсской базы; занимала наиболее правильную политическую линию.

Освободили Дыбенко 5 сентября, запретив выезжать в Гельсингфорс. А он в Петрограде задерживаться не хотел. Ждал с нетерпением, когда подвернется «оказия» на Главную базу. Друзья каждый день ходили в разведку на набережную Невы. Повезло Васе Марусеву. Прибежал сияющий.

— Прибыл «Гремящий». С самим командующим пойдешь на Главную базу.

Дыбенко уже знал, что контр-адмирал Развозов сменил Вердеревского, ставшего по милости Керенского морским министром во Временном правительстве.

— Отлично, Вася. В море и познакомимся.

Провожали Марусев и Маркин. У Английской набережной к ним подошли два матроса с «Гремящего».

— Доставим с ветерком.— Сообщили: — Наш судовой комитет всю ответственность берет на себя, об этом заявлено и командиру.— Провели в матросский кубрик. В оживленной беседе быстро пролетело время. Только близ Гельсингфорса Павел поднялся на палубу. Обдало морской прохладой и окропило мелкой соленой пылью. «Крещенье после тюрьмы».

Верны революции

Моряки встретили Павла с радостью и надеждой. «Теперь Дыбенко наведет порядок в Центробалте».

Пока Дыбенко и его соратники-большевики были запрятаны в тюрьму, Керенский распустил неугодный ему состав Центробалта и поспешил организовать выборы нового. Не устроил его и этот. Опять распустил. Только на третий раз добился своего: в Центробалте теперь преобладали соглашатели.

«Надо готовить второй съезд моряков Балтфлота, чтобы дать бой меньшевикам и эсерам»,— размышлял Дыбенко. И словно в воду глядел. 15 сентября делегатское собрание морских частей Кронштадта предложило срочно собрать флотский съезд и переизбрать Центробалт. Кронштадтцев поддержали делегатские собрания матросов Гельсингфорса и Або-Аланда. Было решено открыть съезд 25 сентября. Образовали подготовительную комиссию. Включили в нее и Дыбенко.

Еще до съезда произошел конфликт между Центрофлотом и Временным правительством. Повод был пустяковый. Центрофлот занял в Адмиралтействе пустовавшую комнату в Главном морском штабе. Пожаловались Керенскому, а тот взбесился: распустил выборную организацию моряков.

В защиту своей организации, хотя и не устраивавшей их по своему составу (соглашательская), выступили балтийцы. Действия Керенского моряки расценили как новое наступление контрреволюции на демократические права и организации флота.

И вот 19 сентября на «Полярную звезду» на пленарное заседание Центробалта собрались представители 80 кораблей, а также в полном составе матросская фракция Гельсингфорсского Совета. Председательствовал Дыбенко. Слушая гневные слова ораторов, он искренне радовался: «Нет, не остыл революционный накал. Моряки сейчас защищают не соглашательский Центрофлот, а свои революционные завоевания». Выступил и Павел.

— Никогда наши отношения с Керенским не улучшатся,— гневно произнес он.— Предложил проект резолюции. В ней говорилось: «Считать роспуск нашей выборной организации — Центрофлота незаконным и недопустимым... Пленарное заседание за-

являет, что больше распоряжений Временного правительства не исполняет и власти его не признает... Права же своих организаций мы будем отстаивать всеми имеющимися у нас средствами».

Резолюция была принята единодушно:

— И впредь с Временным правительством будем разговаривать на таком языке,— добавил от себя Дыбенко.

...Наступило 25 сентября. На «Полярную звезду» на II съезд прибыл 121 делегат, представлявший весь Балтийский флот.

Съезд объявляется открытым. Организованно избрали президиум: председателем — П. Е. Дыбенко, секретарем — А. Г. Железнякова, делегата от кронштадтцев. Единодушие не нарушалось ни на одном из заседаний.

В первый же день в принятой резолюции делегаты призвали Петроградский Совет «быть инициатором созыва Всероссийского съезда Советов, которому надлежит взять власть в свои руки...».

На следующий день с докладом о политическом положении в стране выступил Антонов-Овсеенко.

Делегаты долго аплодировали заключительным словам оратора:

— Возможно, скоро придется сражаться на баррикадах. Но мы будем знать, что через них мы идем прямо к социализму...

Во время заседаний было получено тревожное известие — 29 сентября немецкий флот начал большое наступление на острова Моонзундского архипелага. Враг рвался к революционному Петрограду.

Выступая перед делегатами, П. Е. Дыбенко и другие большевики призывали моряков стоять насмерть, не пропустить врага в Финский залив, к Петрограду. В предложенном Дыбенко и принятом съездом об-

ращении говорилось: «Товарищи, докажем всему миру, что революционный Балтийский флот, защищая революционную Россию, погибнет, но не отступит перед флотом германского императора».

На боевые корабли были назначены комиссары. Работу съезда прервали. Многие делегаты-члены Центробалта во главе с Дыбенко выехали в район боев.

...Свыше 300 кораблей сосредоточили немцы при Моонзунде, более двух третей своего флота! Десять новейших линкоров. Десять крейсеров. Эсминцы. Подводные лодки. Авиацию... Командование же Балтфлота выделило в состав действующего отряда в Рижском заливе два старых линкора «Славу» и «Гражданин», три крейсера, тридцать миноносцев и еще очень незначительные силы. Правительство Керенского ничего не предпринимало, чтобы дать отпор врагу.

Тогда руководство флотом взяли в свои руки революционные организации, большевики. Они воодушевляли матросов на боевые подвиги. Среди команд судов царило единодушие и сплоченность.

А вот некоторые адмиралы и офицеры оказались трусами и предателями. При первых же успехах немцев, высадившихся в бухте Тегелахт, командовавшие русским флотом в Моонзундской операции контр-адмирал Свешников, начальник штаба капитан Реек и остальные штабисты бросили войска и бежали на материк, даже не позаботившись уничтожить секретные документы, которые попали в руки противника. «Отбыл» в неизвестном направлении и командовавший дивизией подводных лодок адмирал Владиславлев. Сбежал начальник боевого участка на мысе Церели фон Кнюпфер...

Керенский в своем приказе-воззвании о настоя-

щих изменниках умолчал, а геройски сражавшихся матросов обвинил в недисциплинированности и небоеспособности.

Делегаты, вернувшиеся на съезд с места боев, негодовали. Дыбенко предложил проект резолюции: немедленно удалить авантюриста Керенского из правительства...

Съезд продолжался. Делегаты утвердили новый устав ЦКБФ и постановили переизбрать Центробалт. Приняли решение о введении института комиссаров. Съезд осудил политическую линию соглашательского Центрофлота, потребовал созыва Всероссийского съезда военных моряков. Избрали делегатов на II Всероссийский съезд Советов и на Северный областной съезд Советов. В их составе преобладали большевики и им сочувствующие. Дыбенко — делегат обоих съездов.

Делегаты возвращались на корабли, базы, форты, батареи, чтобы готовить матросские массы к последнему решительному бою — вооруженному восстанию за свободную Россию.

«Призываю к вооруженному восстанию»

Началась подготовка к выборам в Учредительное собрание. Гельсингфорсский комитет РСДРП(б) выставил кандидатами Владимира Ильича Ульянова (Ленина) и Павла Ефимовича Дыбенко. Павел оробел. Подумать только! Ленин, вождь партии большевиков,— и рядом он, Дыбенко, балтийский матрос!

А вскоре избранные II съездом Балтфлота делегаты отъезжали в Петроград на съезд Советов Северной области...

Тяжело дышит паровоз, оставляя за собой облака дыма и гари. В вагоне говорят о моонзундских событиях. Восемь дней шли упорные бои. Балтийский флот потерял линкор «Славу» и миноносец «Гром». Немцы — 10 эскадренных миноносцев, 6 тральщиков, повреждены 3 новых линкора, 4 миноносца, 3 тральщика.

— Революционные моряки сдержали клятву,— с удовлетворением произнес Дыбенко,— отбили у немцев охоту лезть к Петрограду!

За разговорами пролетела ночь. Вот и Финляндский вокзал...

Когда матросские делегаты вошли в зал, со всех концов послышались приветственные возгласы. Дыбенко предоставили слово. От имени моряков Балтики он заявил:

— Спасти Балтийский флот, революционный Петроград и революцию может только Советское правительство, которое предложит мир всем народам. Флот категорически отказался выполнять какие бы то ни были приказы Временного правительства. Он выполнит приказы комиссаров Советов и Советского правительства. Все силы и средства Балтийского флота — в распоряжении съезда. В любой момент флот по вашему зову готов к выступлению...

Три дня работал съезд. Его решения призывали массы к вооруженному восстанию. Был образован исполнительный комитет Советов Северной области. Дыбенко был избран в его состав.

Перед тем как разъехаться, делегаты побывали на многих петроградских предприятиях. Павел выступал на митинге в цирке «Модерн». Но особенно запечатлелась встреча с рабочими Ижорского завода. Вместе с руководителями большевиков завода вошел он в огромный цех. Народу — полным-полно: сидели

на станках, на полу, некоторые взгромоздились на подъемные краны, кое-кто под самую крышу залез. Выступал меньшевик Церетели.

Рабочие увидели пробирающегося к трибуне высокого чернобородого матроса.

— Дать моряку слово! — закричали со всех сторон.— Желаем слушать балтийца!!!

Дыбенко тут же потеснил Церетели и, подавшись вперед, начал речь:

— Мы хотим знать, с кем вы? С нами, матросами и солдатами, или с Временным правительством?..

Единогласно принятая резолюция дала ответ на вопрос: «Долой коалиционное правительство — слугу империалистов... Вся власть Советам!»

— Вы что же это, к вооруженному восстанию зовете? — крикнул Церетели.— Придется снова вас арестовать.

— Не угнаться,— ответил Дыбенко.— Мы теперь на полной воде, а вы на мели.— И подождав, пока прекратятся аплодисменты и смех, кончил: — Да, я призываю к вооруженному восстанию, а насчет ареста, посмотрим кто кого,— и пошагал через цех.

Рабочие проводили шумными аплодисментами...

Перед отъездом в Гельсингфорс встретился с Антоновым-Овсеенко, который теперь оставался работать в Петрограде в военно-революционном комитете. Владимир Александрович, увидев Дыбенко, сразу сообщил, что В. И. Ленин дал согласие баллотироваться в Учредительное собрание от балтийских моряков. Потом перешел к делам балтийцев. Рекомендовал Центробалту все внимание сосредоточить на подготовке людей и боевых кораблей к вооруженному восстанию, следить за действиями штаба флота.

— Приближаются решающие дни! — с пафосом произнес Антонов-Овсеенко.— О начале штурма получите телеграмму...

«Высылай устав»

16 октября приступил к работе Центробалт четвертого созыва, состоявший в основном из большевиков. Председателем вновь стал П. Е. Дыбенко. Он решительно повернул штурвал ЦКБФ на большевистский фарватер. Центробалт выполнял решения Центрального Комитета партии, готовил флот к вооруженному восстанию.

Верное Временному правительству офицерство тоже готовилось. Но по-своему. В его планы входило, например, уничтожение Кронштадта и боевого революционного ядра флота.

Председатель Центробалта поручил комиссарам взять под свой контроль средства связи штаба флота, частей, соединений, укрепрайонов. В дополнение к инструкции, утвержденной общефлотским съездом, ЦКБФ разработал подробные указания комиссарам, назначенным в штаб на службу связи, и обязал их внимательно следить за всей оперативной перепиской.

Комиссары взяли под свой бдительный контроль все виды снабжения, склады с оружием и боеприпасами. В том числе и арсенал Свеаборгского порта... На кораблях и береговых частях были созданы боевые роты. Введена мобилизационная готовность: после 17 часов никто не имел права отлучаться с кораблей на берег...

Центробалт избрал тройку для руководства подготовкой к восстанию в составе П. Е. Дыбенко, Ф. С. Аверичкина, Н. Ф. Измайлова.

Экипажи срочно ремонтировали миноносцы, предназначенные для похода в Петроград. Дыбенко 23 октября весь день помогал матросам. Часа два-три поспал в каюте штурмана эсминца «Забияка» и чуть свет поспешил на «Полярную звезду». Дежуривший там Аверичкин вручил пачку телеграмм. Просмотрел все, но нужной, о начале штурма, не было.

Аверичкин доложил, что в Гельсингфорсе арестованы последние представители Временного правительства, на всех железнодорожных станциях до Петрограда установлена морская комендатура.

— Боевые роты на кораблях ждут приказаний,— продолжал Аверичкин.— Измайлов с товарной станции только что сообщил: эшелоны будут готовы к 18 часам...

Решили в 16 часов собрать пленарное заседание Центробалта совместно с судовыми комитетами. Старший гальванер с линкора «Петропавловск» Евгений Блохин зачитал проект резолюции: «По первому зову Центробалта идти и победить или умереть... Да здравствует власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, на защиту которых мы все единодушно по первому зову пойдем и будем верить в полную победу над капиталом и в освобождение порабощенных народов!» Все пункты резолюции были одобрены.

Члены судовых комитетов разошлись по кораблям и частям, поручив П. Е. Дыбенко на совместном заседании Гельсингфорсского Совета и областного комитета заявить о готовности моряков сражаться за власть Советов.

Заседание открыл в 19 часов 30 минут А. Л. Шейнман.

— Мы собрались, чтобы узнать, на какие силы революция может рассчитывать,— сказал он.

На трибуне Дыбенко...

— Настала пора доказать, как надо умирать за революцию! — говорит он. Затем огласил принятую Центробалтом совместно с представителями судовых комитетов резолюцию и в заключение сказал, что матросы Балтики не пожалеют жизни и, если потребуется, отдадут ее за счастье многострадального народа. И в этот момент ему подали телеграмму. «Центробалт. Высылай устав»,— прочитал Дыбенко. Это был условный сигнал: восстание в Петрограде началось, срочно высылай корабли и моряков...

«Началось!» Немедленно возвратившись на «Полярную звезду», Павел вызвал Развозова и флагманского инженера-механика Винтера. «Придут, теперь Центробалт приказывает». Федора Аверичкина попросил собрать механиков с миноносцев.

Развозов и Винтер явились без промедления. Дыбенко спросил командующего: будут ли готовы миноносцы к утру? Ответил инженер-механик — работы еще много и потребуется не менее двух суток.

Аверичкин позвал механиков и старших машинистов. Грязные, усталые, щеки провалились. На вопрос, когда будут готовы корабли, дружно ответили, что к утру все работы будут закончены.

— Спасибо! Передайте всем товарищам, занятым на ремонте, благодарность Центробалта.

Развозов дважды воскликнул «Невероятно!» и вместе с Винтером вышел из салона.

Для надежности Дыбенко отдал командующему приказ: «21 час 40 минут. Срочно дать распоряжение выйти в Петроград миноносцам «Забияка», «Страшный» и «Меткий»...» А чтобы Развозов и его штаб в последний момент не сорвали операцию, направил приказания и комиссарам — готовиться к выходу... Крейсеру «Аврора», заградителю «Амур»,

2-му балтийскому и гвардейскому экипажам, команде Эзеля (эта команда после эвакуации острова находилась в Петрограде) послал радиограмму — всецело подчиняться распоряжениям военно-революционного комитета. Приказ комиссарам: присутствовать при расшифровании всех телеграмм штаба.

Поздно вечером 24 октября началось второе пленарное заседание Центробалта и его президиума. Заседали недолго. Одобрили сообщение об открытии в Петрограде 25 октября II съезда Советов и приняли решение: Балтийский флот «поддержит борьбу съезда за власть всеми своими вооруженными силами». Комиссару эскадренного миноносца «Самсон» Григорию Борисову поручили доставить это решение в президиум съезда Советов.

Дыбенко отправился на железнодорожную станцию. Ровно в полночь туда прибыли первые роты. В вагоны грузились организованно. Эшелоны ушли вовремя.

— Счастливого пути, товарищи!

Не спит председатель Центробалта и товарищей заставляет бодрствовать:

— Выспимся, когда отвоюем у буржуев власть.

А Развозов и его штаб тайно чинят препятствия походу кораблей в Петроград. И все же в 9 часов утра гавань покидают четыре эсминца — «Меткий», «Забияка», «Самсон», «Деятельный» (вместо «Страшного», на котором не завершен ремонт) и посыльное судно «Ястреб». Медленно, выравниваясь в кильватерную колонну, они проходят мимо «Полярной звезды».

Доволен председатель: Центробалт выполнил приказ товарища Ленина, революции.

«Самсон» и «Забияка» пришли в Петроград около 19 часов 25 октября и встали неподалеку от «Ав-

роры» и минного заградителя «Амур». Почти в это же время из Биорки подоспело учебное судно «Верный». Матросы высадились на берег и двинулись к Зимнему Дворцу. Без опоздания появились в столице и кронштадтцы. Вместе с солдатами, красногвардейцами, рабочими отрядами пошли они на штурм последнего буржуазного правительства России.

О происходящем в Петрограде Дыбенко узнавал из телеграмм и разговоров по прямому проводу с моряками — делегатами II съезда Советов. Дважды беседовал с делегатом съезда, членом ЦКБФ Алексеем Барановым. Радовался, что правительство Керенского свергнуто, что избрано Советское правительство во главе с В. И. Лениным. Узнал, что создан Комитет по военным и морским делам, что в него включен и он, Дыбенко.

— Ты должен немедленно выехать в Петроград,— говорил Баранов.

Павел объяснил, что сейчас с флота ему нельзя отлучаться.

Поздно вечером 26 октября Дыбенко вызвал к прямому проводу Николай Ховрин и сообщил, что Центрофлот, за исключением матросов-большевиков, вошел в контрреволюционный «Комитет спасения родины и революции», что Керенский утром двадцать пятого бежал из Петрограда. Ховрин настоятельно рекомендовал Павлу прибыть в Петроград.

Дыбенко написал и отправил по радио обращение ЦКБФ, призвал все судовые комитеты, воинские гарнизоны, население и железнодорожных служащих «принять самые энергичные меры, чтобы задержать Керенского и доставить его в распоряжение Петроградского революционного комитета».

Всю ночь Дыбенко, Аверичкин и Измайлов

руководили на гельсингфорсской товарной станции посадкой в вагоны новых матросских отрядов.

Пожелав своему преемнику Измайлову высоко держать знамя Центробалта, Павел Ефимович выехал в Петроград.

Авантюра ликвидирована

Утром 28 октября Дыбенко был в Смольном у Подвойского. Разговор короткий, тревожный: наши части оставили Гатчину; Керенский двигается на Петроград. Подвойский предложил сейчас же выехать в Царское Село, узнать, что там делается, и немедленно обо всем сообщить. Пояснил, что по согласованию с Центральным Комитетом партии он, Подвойский, руководит обороной Питера, Антонову-Овсеенко поручено командовать левым, Пулковским участком, а на правый, у Красного Села, назначен Дыбенко. Попрощавшись, Павел вышел.

На лестнице встретил Антонова-Овсеенко. Как он изменился — лицо вытянулось, глаза покраснели!

В район Пулкова приехали вместе. Здесь и солдаты, и оружие есть, только порядка нет. «Наших бы, флотских, сюда», — подумал Павел.

В небольшой избушке — «штабе» их встретил немолодой военный. На форменной шинели виднелись следы от погон. Узнав, кто перед ним, назвался полковником Вальденом, пожаловался:

— Штаб развалился, офицеры удрали, да и солдаты разбегаются.

Пошли к солдатам. Говорили о революции, о декретах, принятых II съездом Советов. Сначала не слушали, а когда узнали, что перед ними члены Советского правительства, оживились, перебивая друг

друга, стали спрашивать о Ленине, о земле, скоро ли конец войне. Дыбенко выступил перед солдатами.

— Сейчас я возвращаюсь в Петроград за балтийскими матросами. До их прибытия вы должны во что бы то ни стало сдержать натиск казаков. Солдаты, Советская власть на вас надеется!

Эти слова приободрили солдат. По распоряжению Вальдена они стали занимать позиции на Пулковских высотах.

Но Дыбенко понимал, что при первом же натиске неприятеля фронт не устоит. Нужно было немедленно двинуть сюда моряков. Дыбенко поспешил в Петроград. В Смольном встретился с Подвойским. Уже уходя от него, Павел увидел В. И. Ленина. Владимир Ильич подозвал его.

— Ну, что, как дела на фронте? — спокойно спросил Владимир Ильич.

Дыбенко доложил, потом сказал:

— Я еду в морской революционный комитет и сейчас двину матросские отряды, которые должны сегодня же прибыть из Гельсингфорса; в противном случае Керенский может быть в Петрограде.

«Владимир Ильич безмолвным кивком головы одобрил мое предложение»,— писал в своих воспоминаниях Дыбенко об этой встрече.

Военно-морской революционный комитет находился в Адмиралтействе в помещении Центрофлота, распущенного 26 октября по решению II съезда Советов. Председатель ВМРК Иван Вахрамеев, выслушав Дыбенко, доложил:

— Под Пулково только что отправились отряды под командованием Сладкова и Ховрина. Еще формируем. Пошлем тысяч десять матросов. Столько же останется в Петрограде.

Вахрамеев подошел к висевшей на стене морской карте, показал, где стоят в данный момент боевые корабли. Добавил, что поставлены здесь они по указанию товарища Ленина.

— Под прицелом находятся подъездные пути к Петрограду по линиям Балтийской, Варшавской, Витебской и Северной дорог.

— Это хорошо,— прикинул Павел.— Если войска Керенского-Краснова попытаются прорваться к городу, то попадут под перекрестный огонь корабельной артиллерии.

Присел к столу, стал беседовать с матросами, находившимися тут же.

Зазвонил телефон. Дыбенко снял трубку. Все заметили, как посуровело его лицо.

— Это Подвойский,— сказал он, кончив разговаривать по телефону.— Сообщил, что юнкера готовят мятеж, как видно, приурочивают его к подходу красновских войск. Тебе, Вахрамеев, приказано держать постоянную связь со Смольным. Часть моряков нужно двинуть к юнкерским училищам — Николаевскому, Владимирскому, Павловскому, а также манежу. Латышские стрелки, отряды красногвардейцев уже приведены в боевую готовность. Действовать решительно. Я сейчас же поведу матросов к Пулкову. Остальных присылайте...

Всю ночь 29 октября отряды моряков отбывали на фронт. С одним из них отправился Дыбенко...

Обстановка под Пулковом и Колпином изменилась. Здесь образовался своеобразный штаб красных войск. Дыбенко встретил знакомых командиров матросских отрядов: как всегда спокойный, деловитый Николай Ховрин; подтянутый мичман Сергей Павлов; двадцатипятилетний офицер-большевик Рудольф Сиверс, у него совсем юношеское лицо, выгля-

дит он подростком. Были тут и другие. Самый старший — полковник Вальден. Он принял новую власть и честно служил ей. Встретив Дыбенко, полковник повеселел.

— У нас теперь порядок! — бодрым голосом доложил он.

Не было растерянности и на лицах солдат-фронтовиков. Они перемешались с матросами и прибывшими из Петрограда рабочими, подтянулись.

Подкрепления продолжали прибывать. Доставили пушки, отправленные Дыбенко из Гельсингфорса. Противник не наступал, и красные отряды сумели укрепиться. Ночь на 30 октября прошла спокойно. Утром начался артиллерийский обстрел позиций моряков. А через некоторое время показались всадники. С гиканьем и свистом мчались они, обнажив сабли. Казалось, никакая сила не остановит эту лавину, вот-вот ворвутся в окопы.

Прямой наводкой ударили флотские трехдюймовки. Затараторили пулеметы, защелкали винтовочные выстрелы. И дрогнули казаки. Вздыбились, неистово заржали кони. Нарушился строй, лава повернула обратно. Вместе с матросами Дыбенко выскочил из окопа и повел их в наступление...

Отбив две атаки, ободренные успехами, моряки, увлекая за собой солдат, решительно шли вперед. Вот уже и Царское Село. Красновцы беспорядочно отступают. Дыбенко в сопровождении группы матросов направился к Царскосельской радиостанции. Оттуда радировал:

«31 октября, 17 час. 21 минута. Царскосельская радиостанция. Центробалт. Призываю всех товарищей к спокойствию. Час поражения врагов революции близок. Они отступили от Царского Села и преследуются нами. Доблестью товарищей матросов все

восхищаются, и стоящие на позициях шлют привет всему Балтийскому флоту. Нарком Дыбенко».

Казаки прислали парламентеров, предлагают начать переговоры о перемирии. «Отказываться не следует»,— подумал Дыбенко. Посоветовался с Сиверсом и Павловым. Оба колеблются. «Убьют они наших»,— говорит кто-то из них. И все же Павел решает поехать на переговоры. Сиверсу и Павлову дал указание незаметно подтянуть моряков к Гатчине. Взял с собой матроса Трушина. Оба пошли к машине, на которой приехали казаки.

Темная ночь. Дует холодный ветер. Под колесами шуршат жухлые листья. Парламентеров трое — офицер и два казака. Объясняют, что ни Краснов, ни Керенский не знают об их поездке. Машина остановилась перед громадой гатчинского дворца. Едва Дыбенко ступил на землю, перед ним вырос офицер. Это дежурный. Приказывает сдать оружие. Павел отказывается. Неизвестно, чем бы все кончилось, но тут заговорили казаки.

— Пусть большевики сами растолкуют нам про Советскую власть.— Предложили пройти в казарму.

Дыбенко согласился, но потребовал от офицера-парламентера приставить к Керенскому надежную охрану. Уже на ходу предупредил:

— В случае его побега головой отвечаете.

В казарме под потолком тускло мерцают две лампочки. Казаки — одни лежат на нарах, другие кучками сидят прямо на полу, курят. То тут, то там видны офицеры, юнкера. Духотища страшная. Один из парламентеров, выступая вперед и обращаясь к станичникам, говорит, что прибыли два матроса-большевика, хотят рассказать о новой власти.

— Всыпать бы им по сотне шомполов, тогда узнали бы новую власть,— раздается злобный голос из темноты.

Дыбенко всматривается и замечает погоны. «Тут офицерье». Взбирается на табурет:

— У шомпола, как известно, два конца...— Павел рассказывает о предательстве Временного правительства и Керенского, о декретах, принятых II съездом Советов...— Весь гарнизон Петрограда, Балтийский флот, рабочие, ряд армий целиком поддерживают Советское правительство. Флот, ряд армий послали к Петрограду на помощь восставшим войска с фронта... А кого вы поддерживаете, станичники? Керенского. Да ведь он из вас жандармов сделает. Стоит ли позориться?

Казаки слушают. И вдруг голос сиплый, ядовитый:

— Станичники! Не верьте предателям России! Гоните немецких шпионов! Бейте их!

Павел смотрит на дверь — ее запрудили. «Отсюда не выберешься».

— Не немецкие шпионы взяли власть, она в руках рабочих, крестьян, солдат и матросов! — По тому напряженному вниманию, с каким слушают его речь, понимает — верят ему.— Балтийский флот доказал свою преданность революции и готовность защищать Россию в Моонзундских боях. Мы, матросы, первыми выступили на защиту Советской власти и будем за нее бороться до последнего дыхания!

Офицеры и юнкера шумят, требуют расправиться с моряками. А из толпы казаков слышны уже совсем иные выкрики:

— Правильно! Матросы — наши братья. Мы с ними пойдем.

«Значит, действует наше «оружие»!» — и Дыбенко опять говорит...

А ночь уже прошла. Бледный утренний рассвет проник в окна казармы... Станичники колеблются.

К 8 часам утра удается убедить их — прекратить гражданскую войну и арестовать Керенского. Станичники ставят условие — согласовать с казачьим комитетом...

В сопровождении возбужденной толпы Дыбенко и Трушин выходят на улицу... Встреча с членами комитета состоялась в большом зале дворца. «Одни офицеры. С этими не договоришься». Дыбенко решает пойти на площадь к казакам, оставив комитетчиков одних.

Площадь запружена станичниками.

— У вас же офицерский комитет,— громко крикнул Дыбенко.— Где же казаки?

— Правильно... Свой изберем...

Тут же довольно быстро выбрали новый комитет, поручив ему вести переговоры... Арестовать Керенского согласились не сразу. Станичники хотели коечто выторговать — уйти на Кубань и Дон с полным вооружением, а этого допустить было нельзя. Но в тот момент Дыбенко пришлось уступить. Эшелоны с войсками, за которыми, как стало известно, отправился помощник Керенского Савинков, вот-вот могли подойти... Судьбу переговоров решил сам Керенский.

...В своих воспоминаниях, дополняя друг друга, Керенский и Краснов рассказывают, что они внимательно следили за каждым шагом Дыбенко. «Совершенно неожиданное известие: казаки-парламентеры вернулись с матросской делегацией во главе с Дыбенко! Основное условие матросов — безусловная выдача Керенского в распоряжение большевистских властей: казаки готовы принять это условие!» — пишет Керенский.

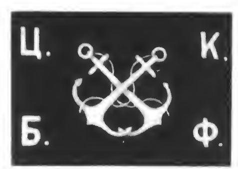
Краснов вспоминает: когда он вошел к Керенскому, то «застал его смертельно бледным... Я рас-

П. Е. Дыбенко с братьями Федором и Алексеем. 1914 г.

П. Е. Дыбенко (в центре) среди матросов линейного корабля «Император Павел I». 1914 г.

Флаг Центробалта

Радиограмма о разгроме войск Керенского — Краснова

Радиотелеграмма принята 5ч.30 мин.вечера 3 НОЯБРЯ.

Москва Введенский Народный дом.

Лефортовский Совет рабочих депутатов.Архангельск Совет рабочих и солдатских депутатов.

Окончательное поражение Керенского.От военно-революционного комитета.Войска Керенского разбиты.Арестован весь штаб Керенского с генераломКрасновым, Войтинским во главе.

Керенский, переодевшись в матросскую форму, бежал.Казаки,перешли на сторону революционных войск, ищут Керенского с тем, чтобы предать в руки военно-революционного комитета.

АвантюраКеренского может считаться ликвидирована.Революция торжествует.

Честь ареста штаба Керенского принадлежит матросу Дыбенко.

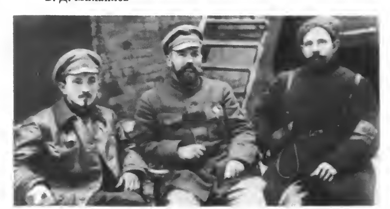
За главнокомандующего Антонов

За начальника штаба Владимир Бонч-Бруевич.

Командир Первого Северного летучего отряда моряков П. Е. Дыбенко и начальник штаба С. Д. Павлов. Февраль 1918 г.

После освобождения Царицына. На снимке (справа налево): начальник 37-й стрелковой дивизии П. Е. Дыбенко, командующий 10-й армией А. В. Павлов, член Реввоенсовета Б. Д. Михайлов

П. Е. Дыбенко среди командиров и бойцов — участников подавления кронштадтского мятежа. Март 1921 г.

П. Е. Дыбенко и И. Ф. Федько Кронштадт. Март 1921 г.

Командующий Южной группой войск А. И. Седякин вручает награды героям штурма Кронштадта. Справа П. Е. Дыбенко

После разгрома кронштадтских мятежников. П. Е. Дыбенко на линкоре «Петропавловск». Кораблю присваивается наименование «Марат»

М. В. Фрунзе вручает красное знамя начальнику 51-й стрелковой дивизии П. Е. Дыбенко. 1921 г.

П. Е. Дыбенко в кругу своей семьи. На снимке (справа налево): сидят — отец Ефим Васильевич, мать Евдокия Ефимовна, сестра Анастасия с дочерью Клавой; стоят — А. М. Коллонтай и П. Е. Дыбенко. 1919 г.

П. Е. Дыбенко. 1923 г.

Командующий Среднеазиатским военным округом П. Е. Дыбенко во время учений в районе г. Кушки. 1929 г.

сказал ему, что настало время, когда ему надо уйти... Я через надежных казаков устроил так, что караул долго не могли собрать. Когда он явился и пошел осматривать помещение, Керенского не было...».

Прапорщик Миллер достал одежду сестры милосердия. «Нелепо переодетый, я прошел мимо караулов»,— признается сам Керенский... Автомобиль с заведенным мотором ждал в парке. Еле державшегося на ногах от страха главковерха усадили на заднее сиденье. Автомобиль помчался в сторону Пскова.

Не ведал тогда Керенский, что своим трусливым бегством он помог Дыбенко успешно завершить переговоры. А ведь именно в те минуты, когда бывший правитель России переодевался в женское платье, казачьему комитету стало известно содержание телеграммы Савинкова, что из Луги вышли 12 эшелонов с «ударниками». Станичники, почувствовав силу, вновь стали торговаться... И вдруг ошеломляющая новость:

— Керенский сбежал!!!

Казаки осатанели. Их настроение резко изменилось. По радио полетела депеша:

«Всем, всем. Керенский позорно бежал, предательски бросив нас на произвол судьбы. Каждый, кто встретит его, где бы он ни появился, должен его арестовать как труса и предателя.

Казачий совет 3-го корпуса».

Когда ворвался во дворец меньшевик Войтинский и, потрясая телеграммой Савинкова, пытался поднять боевой дух казаков, уверяя, что Керенский не сбежал, а отбыл за подкреплением, его уже никто не слушал...

В Гатчину вступили матросы и красногвардейцы, которых привели Сиверс и Павлов. Тут уж и казаки

сникли, но продолжали просить обещанное оружие. Дыбенко им сказал: не получите, сами виноваты, не устерегли Керенского. И обращаясь к Войтинскому:

— Вы воюете с большевиками и Советской властью, я вынужден вас арестовать... Товарищ Трушин, возьмите этого гражданина[1]!

Через два часа юнкера и казаки были разоружены.

Дыбенко арестовал и Краснова. Доставленный в Смольный, генерал дал слово, что не будет вести борьбу с Советами. Его отпустили. Слова он, конечно, не сдержал. Перекочевал на Дон. Там создал контрреволюционную казачью армию и повел ее против советских войск.

Первая ночь в Гатчине прошла спокойно, если не считать попытки группы пьяных офицеров поднять мятеж. Их тут же расстреляли... А день начался тревожно. Поступили сведения о приближении эшелонов с «ударниками», встреча с которыми ничего хорошего не сулила. 500 моряков и два батальона финляндского полка вряд ли бы выдержали бой... 3 ноября в 8 часов утра «ударники» находились в 5 верстах от Гатчины. «А что, если попытаться решить дело миром?» И Дыбенко снова отправился на переговоры. Сформировали состав из нескольких вагонов, на паровозе, в среднем и хвостовом вагонах разместили небольшой отряд матросов с пулеметами. Вдоль железнодорожного полотна выставили несколько пушек.

Поезд двигался медленно. Не доезжая примерно версты до места, где находился передовой эшелон с «ударниками», Дыбенко попросил машиниста остановить поезд, а моряков предупредил:

[1] В. С. Войтинский был комиссаром ВЦИК при командующем Северным фронтом.

— Услышите три выстрела из пистолета, открывайте огонь.— Спрыгнул с паровоза и не спеша пошагал к безмолвной толпе солдат. Приблизившись, громко стал говорить о бежавшем Керенском, о сдавшихся казаках, о Краснове, арестованном и отправленном под конвоем в Петроград.

— Предлагаю и вам сложить оружие. Даю три минуты на размышление.

— Согласны,— закричали солдаты.

Часть офицеров отделилась в сторону. Совещаются. Некоторые шарахнулись к лесу, отстреливаясь. Убежать удалось немногим. Солдаты сами же с ними и расправились... Прибывший с «ударниками» Савинков удрал.

К Дыбенко подошла группа солдат. Это делегаты. Старший назвался Федоровым, сказал, что был на Северном областном съезде Советов, слушал там выступление Дыбенко. Предлагает провести митинг, принять резолюцию в поддержку Советской власти и послать товарищу Ленину. Дыбенко соглашается.

...В гатчинском дворце расположились матросы, солдаты... Из Петрограда приехал Антонов-Овсеенко. Владимир Александрович обнял Павла.

— Молодцы балтийцы! Пятнадцать тысяч моряков и более сорока боевых кораблей бились за власть Советов! На вас можно положиться. Вы действительно завоевали всеобщую славу...

Связной принес несколько запоздавшую радиограмму, подписанную Антоновым-Овсеенко и Владимиром Бонч-Бруевичем. Павел присел к столу, стал читать. Глаза слипались. Столько бессонных ночей! Строчки прыгали, терялись и снова появлялись, словно из тумана. «...Войска Керенского разбиты. Арестован весь штаб Керенского с генералом Красновым и Войтинским во главе... ищут Керенского с

тем, чтобы передать в руки военно-революционного комитета. Авантюра... ликвидирована. Революция торжествует. Честь ареста штаба Керенского принадлежит матросу Дыбенко...»

Бумага падает из рук, голова опускается на стол. Уснул. Все вышли. Антонов-Овсеенко на листе бумаги крупными буквами написал: «Тихо! Дыбенко спит». Приколол бумагу к двери.

Когда Павел открыл глаза, удивился, что никого нет, только с дивана торчали грязные сапоги. Это спал Сиверс...

Дыбенко уехал в Петроград, передав командование Сиверсу.

Народный комиссар

Прошла неделя. Наступило первое воскресенье после победы Октября. Старый деревянный цирк «Модерн» переполнен. На митинг собрались рабочие Петроградской стороны. Нарком просвещения А. В. Луначарский от имени Советского правительства отчитывается перед трудящимися: что сделала новая власть за первые семь дней... Выступают многие ответственные работники разных ведомств. Предоставили слово и наркому флота.

— Враг побежден, но успокаиваться рано,— говорит Дыбенко.— Многие чиновники не хотят признавать Советы, саботируют, даже вредят... Я призываю, товарищи, к бдительности...

Революционные матросы сами налаживали запущенное при Временном правительстве флотское хозяйство. Когда из Адмиралтейства выдворили саботажников, Дыбенко распахнул окна огромного министерского кабинета.

— Обожаю свежий воздух! — и, с улыбкой обращаясь к матросам — членам Военно-морского комитета, пожелал счастливого плавания.— Только заранее знайте — неспокойное оно будет.

...Вошел моложавый моряк с красивым тонким лицом и выразительными черными глазами. Представился: капитан 1 ранга Модест Васильевич Иванов — товарищ морского министра, только что назначенный на эту должность. Еще перед отъездом из Гельсингфорса Дыбенко послал ему телеграмму: «Центробалт выдвинул Вашу кандидатуру в Верховную комиссию коллегиального морского министерства...» А через день, 29 октября, в каюту командира крейсера «Россия» принесли другую телеграмму: «Модесту Иванову. Капитану 1-го ранга. Гельсингфорс. Просим немедленно приехать Петроград, Смольный. Председатель Совета Народных Комиссаров Ульянов (Ленин)». Об этой телеграмме Дыбенко узнал уже в Петрограде.

Поздоровавшись с наркомом и со всеми остальными, Модест Васильевич сел в кожаное кресло с высокой спинкой и стал восторженно рассказывать о беседе с Владимиром Ильичем...

В те дни Дыбенко принимал еще одного «просоленного моряка» — вице-адмирала А. С. Максимова. Керенский уволил-таки «адмирала революции» со службы и запретил ему выезжать в города базирования флота. Опальный адмирал жил в Москве. Как только было образовано Советское правительство, Максимов попросил предоставить ему посильную работу в военно-морском ведомстве. Дыбенко вызвал его в Петроград. Андрей Семенович стал вторым помощником морского министра. На него было возложено интендантское хозяйство.

В Морском комиссариате налаживалась новая

жизнь. Явились на работу служащие, саботирующих офицеров заменили матросы. Стойкими и преданными борцами за Советскую власть были они. Трудились в новых советских учреждениях, решительно боролись с пьяными погромщиками, входили в продовольственные отряды, в летучие матросские группы, быстро находили на железнодорожных станциях припрятанный купцами и капиталистами хлеб. Отряд под командованием мичмана С. Д. Павлова из-под Гатчины отправился в Могилев «успокаивать» мятежного генерала Духонина и его ставку, а оттуда — в Оренбург на борьбу с Дутовым.

Вот и Антонов-Овсеенко пришел за моряками. Он уезжал биться с Калединым и забирал с собой отряд Николая Ховрина, который вместе с другими матросскими отрядами помогал устанавливать советские порядки в Москве.

— Этак на флоте и людей не останется,— тревожился нарком.— Чуть что — подавай матросов.

— Гордиться надо, Павел Ефимович. Значит, не зря мы с тобой сидели на Главной базе. Кстати, саботажники там все еще не угомонились?

Дыбенко ответил, что все флагманы во главе с командующим Развозовым не желают служить народу, не признают Советы.

— Если и далее будут так вести себя, придется наиболее активных попросить с флота.

Антонов-Овсеенко советовал не спешить с крайней мерой... Потом говорили о предстоящем Всероссийском съезде военных моряков. Владимир Александрович сожалел, что ему не доведется на нем присутствовать.

— А ведь я ехал к тебе с Коллонтай,— вдруг негромко рассмеялся он.— Да вот потерял ее по дороге. Сошла с машины у Думы, там женщины собрались...

Неистовая она, за женщин глотку перегрызет.— Антонов положил руку на плечо Дыбенко: — А морской нарком, вижу, на всех фронтах преуспевает... На свадьбу тоже не попаду...

Попрощались. Нескоро потом им довелось встретиться. Борьба с калединщиной займет немалое время.

Свадьба, на которую намекал Антонов-Овсеенко, действительно состоялась вскоре после его отъезда.

— Записью брака с Павлом Дыбенко,— говорила позднее Александра Михайловна Коллонтай,— была начата первая книга актов гражданского состояния в Советской стране.

Первый Всероссийский съезд военного флота открылся 18 ноября в Петрограде. Делегаты дружно приветствовали «товарищей народных комиссаров за их преданность интересам трудового народа»... Ждали Ленина — почетного председателя съезда. Он пришел, как и обещал, ровно в 3 часа дня 22 ноября. Делегаты и гости, стоя, встретили вождя. От имени Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич приветствовал армию и флот, которые показали себя как передовые борцы за раскрепощение трудящихся классов. В своей большой речи Ленин раскрыл перед моряками перспективы строительства социализма в республике Советов.

— ...Нужно практически учиться управлять страной, учиться тому, что составляло раньше монополию буржуазии. В этом отношении во флоте мы видим блестящий образец творческих возможностей трудящихся масс, в этом отношении флот показал себя, как передовой отряд [1].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 114.

Дыбенко вглядывался в лица матросских делегатов, внимательно слушавших Ленина, а сам думал: как много нужно сделать, чтобы и впредь быть передовым отрядом!.. Владимир Ильич говорил о насущных задачах дня — о земле и о мире, о национальной политике. Призвал съезд к усиленной работе по созданию прочного союза рабочих и крестьян, беднейших крестьян особенно, проявляя о них больше всего заботы.

— Пусть флот,— говорил он,— посвятит все свои силы тому, чтобы этот союз остался основой государственной жизни; если этот союз будет крепок, ничто не сломит дело перехода к социализму [1].

До перерыва Владимир Ильич сидел в президиуме, слушал выступления. Моряки-делегаты с трибуны своего съезда давали клятву — флот во всем будет поддерживать Советскую власть, завоевания Октября...

Одним из главных вопросов, который предстояло решить съезду,— о реорганизации управления морским ведомством. С докладом выступил П. Е. Дыбенко. Пришло время, говорил он, резко поставить вопрос об укреплении дисциплины и организованности во флотских рядах, отменить выборную систему командного состава...

Делегаты поддержали наркома, все его предложения были приняты. Съезд образовал высший орган — Морскую коллегию из трех человек во главе с народным комиссаром и законодательный совет. При коллегии создавался политический отдел. Избрали 20 человек во ВЦИК, где они образовали морскую секцию.

Одно заседание съезда было посвящено присвое-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 115.

нию воинских званий. М. Иванов стал контр-адмиралом, И. Вахрамеев и другие — лейтенантами. Дошла очередь и до народного комиссара. Одни предлагали — контр-адмирала, другие — капитана первого ранга.

Спор разрешил сам Дыбенко.

— Товарищи, позвольте мне благодарить вас за оказанное внимание и внести предложение,— сказал он.— Я начал борьбу в чине подневольного матроса. Вы меня произвели в чин свободного гражданина Советской республики, который для меня является одним из самых высших чинов. Позвольте в этом чине мне и продолжать борьбу.

Так и постановили...

Семь дней работал съезд. Делегаты уезжали, писал Дыбенко, «с полным сознанием своей ответственности за сохранение Советской власти и с полным желанием провести в жизнь принятые решения».

Совет Народных Комиссаров, В. И. Ленин одобрили постановления общефлотского съезда. Нужно было проводить их в жизнь. Однако исходившие из центра приказы и директивы командующие и штабы флотов отвергали. Контрреволюционное офицерство наглело с каждым днем, и особенно перед открытием Учредительного собрания. Тревожные сигналы шли из Гельсингфорса. Штаб Балтийского флота не признавал Народный комиссариат, возглавляемый большевиком. «Ну, что ж, придется и нам действовать». 4 декабря 1917 года Дыбенко от имени морской коллегии издал приказ об упразднении должности комфлота, возложив его обязанности на военный отдел Центробалта. Только такой крайней мерой можно было заставить саботажников считаться с Советской властью и выполнять ее постановления. Взбунтовались флагманы и по призыву Развозова выступили

против мероприятий центра. Пришлось отправить в запас Развозова, начальника оперативной части штаба капитана 1 ранга Черкасского и некоторых других саботажников.

В напряженной обстановке, сложившейся на Главной базе, был повинен и Центробалт. В его новом составе главенствовали меньшевики, эсеры и анархисты. Политически зрелое ядро моряков было на фронте, многие трудились в советских учреждениях. Политическая работа среди матросов ослабла, упала дисциплина на боевых кораблях. Вот и подняли головы анархиствующие горлопаны и реакционное офицерство.

...Учредительное собрание, на которое возлагала большие надежды контрреволюция, открывалось 5 (18) января 1918 года в Таврическом дворце. Охрана порядка в Петрограде была возложена на военных моряков.

Ранним утром 3 января Дыбенко вызвали в Смольный. Вернулся быстро. Приказал дежурному по морскому комиссариату собрать членов коллегии и законодательного совета. Радисту передал текст телеграммы для военного отдела Центробалта: «Срочно не позже 4 января прислать на двое или трое суток 1000 матросов для охраны и борьбы против контрреволюции в день 5 января...» Попросил разыскать Железнякова, а сам соединился по прямому проводу с Кронштадтом, чтобы оттуда тоже прислали вооруженных моряков. Такие же распоряжения получили комиссары экипажей и других флотских учреждений, расположенных в Петрограде.

В день открытия Учредительного собрания в городе находилось свыше пяти тысяч матросов, а так-

же красногвардейцы и отряды рабочих-дружинников. Все подступы к Смольному и Таврическому дворцам надежно охранялись. Утром 5 января на некоторых улицах города стали скапливаться группы «чистой» публики. Среди них переодетые в штатское офицеры и юнкера. Особенно активно и нагло вели себя эти «демонстранты» в районе Литейного проспекта и Шпалерной улицы, пытаясь прорваться к Таврическому. Моряки их разогнали.

Еще раз проверив караулы, П. Е. Дыбенко отправился на заседание Учредительного собрания...

Кадетско-соглашательское большинство не поддержало зачитанную Я. М. Свердловым «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Большевики потребовали перерыва, чтобы обсудить создавшееся положение... Когда заседание возобновилось, большевистская фракция огласила декларацию, написанную В. И. Лениным. В ней говорилось, что нынешнее контрреволюционное большинство Учредительного собрания, избранное по устаревшим партийным спискам, выражает вчерашний день революции и пытается встать поперек дороги рабочему и крестьянскому движению. Большевики покинули зал... Советское правительство приняло декрет о роспуске учредилки... Уехал из Таврического В. И. Ленин, за ним — народные комиссары.

Было уже около трех часов ночи, а заседание все продолжалось. Дыбенко приказал Железнякову разогнать всех. «Без шума, спокойно и просто он подошел к председателю учредилки Чернову, положил ему руку на плечо и заявил, что ввиду того, что караул устал, он предлагает собранию разойтись...» — вспоминал Павел Ефимович об этом эпизоде.

Утром в Адмиралтействе все приставали к Анатолию Железнякову, чтобы тот рассказал о разгоне учредилки.

— Закрыл говорильню — только и всего. Потомки добром помянут.

— Пусть потомки знают, что красные моряки надежно оберегают Советскую власть,— добавил нарком.— Займемся флотскими делами...

...Конец января 1918 года. В Смольный, как и в дни Октябрьского штурма, сегодня пришли моряки. 29 января Совнарком обсуждает доклад П. Е. Дыбенко о реорганизации флота. Предельно сжато обрисовал Павел Ефимович обстановку на флотах. Сказал, что офицерский корпус не прекратил саботаж, а тех, кто служит Советской власти (назвал Максимова, Альтфатера, Иванова, Ружека, Мякишева и других адмиралов и офицеров), преследуют, травят, шлют анонимные письма с угрозами. Потом попросил разрешения у Владимира Ильича зачитать проект декрета о флоте.

— Пожалуйста,— ответил Ленин и стал внимательно слушать...

Совнарком постановил перевести флот на добровольческую систему, приняв за основу представленный наркомом Дыбенко проект. Комиссии под председательством А. В. Луначарского предлагалось в течение часа дать окончательное заключение по проекту... В тот же день В. И. Ленин подписал декрет о роспуске старого и о создании нового, социалистического Рабоче-Крестьянского Красного Флота, состоящего из добровольцев — рабочих и крестьян, служащего интересам трудового народа.

Веселые, возбужденные, во главе со своим наркомом моряки покидали Смольный. Шли по Шпалерной улице, набережной Невы, оживленно разго-

варивали... В Адмиралтействе наскоро пообедали и тут же засели за подготовку новых предложений в соответствии с только что принятым законом. Морское министерство перестало существовать, возникло новое советское учреждение — Народный комиссариат по морским делам (НКМД); Верховная коллегия стала именоваться Коллегией народного комиссариата по морским делам.

На следующий день, в 10 часов, Дыбенко снова был в Смольном. Совнарком утвердил все документы, назначил Коллегию НКМД, а ее председателем — Дыбенко.

Под Нарвой

В стране назревали грозные события: мирные переговоры с Германией по вине Троцкого зашли в тупик. Обострилась и обстановка на Балтийском море, особенно в Або-Аландском укрепленном районе и в районе Ревеля. Туда собирался Дыбенко, но Совнарком не разрешил отлучаться из Петрограда.

«Социалистическое отечество в опасности!» Этот ленинский клич призвал народ встать на защиту Отчизны. В Красную Армию, которая только что создавалась, вступали тысячи добровольцев — рабочих, крестьян, демобилизованных солдат. В этот грозный час все работники Народного комиссариата по морским делам занимались главным из наиглавнейших дел — формировали матросские боевые группы, подразделения. В короткий срок были созданы и отправлены на фронт несколько отрядов. «Конечно, этого мало,— тревожился Дыбенко.— Где взять людей? В Петрограде и Кронштадте все «выбрали», остались лишь те моряки, без которых уже нельзя обойтись. Придется срочно ехать в Гельсингфорс, но и там мно-

гие корабли законсервированы». Да и Главная база в опасности — флот со дня на день мог оказаться в руках противника. Совнарком принял решение — готовить корабли к переводу в Кронштадт. Это в условиях-то зимы!

Дыбенко спешил в Гельсингфорс. О своем приезде он не сообщил, и на вокзале его не встречали. И на «Полярной звезде» — только дежурный. Разыскали Н. Ф. Измайлова. Вместе обсудили положение на Балтийском флоте. Особенно тяжело было в Ревеле. Бои шли уже на подступах к городу.

Измайлов пожаловался, что не хватает людей.

— Приступили к доукомплектованию линкоров и крейсеров за счет береговых команд Петрограда, Кронштадта, Ораниенбаума. Кое-кого нашли на вспомогательных судах...

Дыбенко сообщил, что в Гельсингфорс вот-вот приедет Борис Жемчужин — уполномоченный Совнаркома по эвакуации флота в Кронштадт.

— Вместе будете действовать.

Пока Дыбенко и Измайлов разговаривали, подошли комиссары, центробалтовцы. Всех интересовало положение на фронте. Дыбенко рассказал, но о причине приезда еще не обмолвился ни словом. Поинтересовался, где мичман Павлов и его отряд, который недавно прибыл сюда. Павлов был здесь. Вскоре он появился. Поздоровались, по-братски обнялись.

— Объявляю для сведения — мичман Павлов назначен начальником штаба сводного отряда и направляется в район Нарвы.

— Опять забираете людей! — воскликнул Измайлов.

— Надо! — ответил Дыбенко.

Матросский отряд Павлова, пополненный свежими силами, выезжал из Гельсингфорса в тот день, ко-

гда немецкие войска заняли Ревель. «Теперь противник перебросит освободившиеся войска под Нарву,— тревожился Дыбенко.— Надо торопиться...»

На пути к Нарве во время остановки в Петрограде в Первом Северном летучем отряде революционных моряков Балтийского флота — так он назывался — побывал военный руководитель Комитета обороны М. Д. Бонч-Бруевич, сообщил, что начальником Нарвского оборонительного участка назначен бывший генерал старой армии Парский. При первой встрече с моряками Дыбенко заметил — генерал недоволен. «Не понравились, одеты не по форме». А Парскому сказал:

— Матросы воевали с калединцами и дутовцами[1]. И вот снова идут в бой.

Понял Дыбенко, что не убедил генерала. Тот продолжал хмуриться.

— Нет дисциплины и вид разболтанный...

Обидно стало наркому за флотских: «Будем воевать самостоятельно...» И взял под свое командование все матросские отряды. Павлов стал у него начальником штаба.

Павлов не остановил командира, не предостерег, что нельзя было дробить и без того незначительные силы, занимавшие оборону под Нарвой...

28 февраля перед началом боя в морских отрядах читали обращение, подписанное Дыбенко и Павловым. «Рабы, восставшие в 17 году, удержали красный стяг непоколебимо. Он реял в воздухе на мачтах, он реял в сердцах моряков. Тираны и вампиры боялись приблизиться к тебе, моряк!.. Безжалостная смерть тому, кто поднял руку на свободу!.. Мы ныне

---

[1] В ноябре 1917 года отряд Павлова был направлен на Южный Урал, где участвовал в борьбе с дутовщиной.

выступаем защищать тебя, дорогую свободу, и всех к восстанию под свои знамена призываем... Вперед, вперед, друзья, кому свобода дорога, вперед под красные знамена!»

После падения Ревеля германское командование, как и предвидел Дыбенко, перебросило под Нарву освободившиеся войска... Упорный бой произошел в районе маленькой станции Иевве. Сюда противник двинул крупные силы. Навстречу им выступил эшелон матросов с двумя броневиками, погруженными на платформы... Сильным артиллерийским огнем врага искалечило паровоз, разбитые броневики свалились под откос. Погибли машинист, помощник машиниста и десять матросов тяжело ранены... Дыбенко приказал занять оборону, задержать неприятеля. Но силы были неравны...

Ранним утром 3 марта противник начал наступать двумя колоннами — вдоль железной дороги и севернее, по Ревельскому шоссе. Бой завязался близ станции Корф. Около двух тысяч матросов и красногвардейцев повел за собой Дыбенко по глубокому снегу. Несколько раз моряки бросались в атаку. Но перевес сил был на стороне врага...

На приморском фланге недалеко от Нарвы балтийцы вынудили врага отступить. Но удержаться не смогли. Фланги оказались оголенными. Геройски сражались балтийцы, многие погибли, многие были ранены.

Парский не помог морякам. Начальник участка готовил свой план боевых действий. 3 марта он вызвал Дыбенко на совещание в Ямбург и объявил командирам об общем наступлении в районе Нарвы. Сославшись на большие потери в своих отрядах, Дыбенко отказался участвовать. Выступая, он упрекал генерала в том, что будто бы тот преднамеренно по-

ставил балтийцев в трудные условия — не прикрыл фланги, не обеспечил артиллерией...

О возникших трениях между Дыбенко и Парским Д. М. Бонч-Бруевич доложил В. И. Ленину...

И вскоре Дыбенко получил телеграмму из Петрограда. Прочитав ее, он сказал своему начальнику штаба Павлову:

— Не получился из меня полководец, Сергей Дмитриевич. Не получился... Меня отзывают.

...Мирный договор с Германией был подписан 3 марта. В этот день наши войска оставили Нарву. Закрепиться на правом берегу реки Наровы не удалось. Советские войска отступили к Ямбургу. Через два дня пал и Ямбург. Отряды матросов прибыли в Гатчину...

Уже в Петрограде Дыбенко познакомился с выступлением Ленина на VII съезде партии. Несколько раз перечитал: «Мы предполагали, что Петроград будет потерян нами в несколько дней, когда подходящие к нам немецкие войска находились на расстоянии нескольких переходов от него, а лучшие матросы и путиловцы, при всем своем великом энтузиазме, оказывались одни, когда получился неслыханный хаос, паника, заставившая войска добежать до Гатчины...» [1] «Это нас имел в виду Ленин»,— сделал вывод Дыбенко. И все же не мог поверить, что его отдают под суд.

На суде эксперты, знатоки военного дела, свидетели доказали, что к решению больших, сложных задач, таких, как «прорыв к Ревелю» и «оборона Нарвы», П. Е. Дыбенко, не обладая боевым опытом, не был подготовлен. Установили также, что во время боев связь была налажена плохо, слабо велась развед-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 21.

ка, действия отрядов не согласовывались. Дыбенко оправдали. Сам он тяжело переживал случившееся, но работал, как и прежде: руководил заседаниями морской коллегии; выезжал в Кронштадт принимать боевые корабли, совершившие знаменитый «ледовый поход» из Гельсингфорса. Подбирал надежных матросов в отряд для охраны поезда с членами Советского правительства, переезжавшего из Петрограда в Москву. Командиром этого отряда назначил Николая Антропова, в недавнем прошлом члена судового комитета минного заградителя «Амур», а его помощником — Ивана Кожанова.

Когда все управления и отделы Народного комиссариата по морским делам перебрались в Москву, было вынесено решение Совнаркома — отстранить Дыбенко с занимаемого поста. Павел Ефимович к этому себя уже подготовил, понимая, что нельзя руководить комиссариатом после всего, что произошло... «Конечно, я виноват в том, что моряки добежали до Гатчины».

Казнь отменяется

В апреле 1918 года П. Е. Дыбенко уехал из Москвы в город Рыльск в распоряжение В. А. Антонова-Овсеенко, в то время командующего советскими войсками на Юге России. Покидала столицу и А. М. Коллонтай. «После IV съезда Советов ушла с поста наркома, не разделяя Брестского мира»,— вспоминала она. По решению Центрального Комитета партии Коллонтай была направлена в агитационную поездку на пароходе по Волге. Пожелав друг другу успехов, супруги расстались...

Антонов-Овсеенко обрадовался приезду Дыбенко.

— Сижу пока здесь, создаем Красную Армию,— сказал он.— Скоро начнем очищать Украину от немецких оккупантов.

Владимир Александрович не удивился, когда Павел Ефимович заявил, что хочет работать в немецком тылу, что Центральный Комитет партии его в этом поддерживает... Избрали Севастополь. Там предстояло связаться с местными подпольщиками, готовиться к будущим боям...

...В Севастополь добрался без приключений. Выручила одежда мастерового, да и документы, которыми снабдили его, не вызывали подозрения. По полученной еще в Рыльске явке разыскал на Корабельной стороне отставного матроса надежного подпольщика Федора Степановича Ильина — Степаныча, сторожа городского яхт-клуба. Тот помог установить связи с нужными людьми...

Ряды подпольщиков росли, накапливали силы. Привлекли судостроителей, рыбаков Балаклавы, рабочих-портовиков, группу матросов с боевых кораблей вспомогательного флота. Ближе к осени готовились начать вооруженное выступление в Севастополе, а если удастся, то и в других городах Крыма. Но стряслась беда.

Как-то ночью Павел Ефимович возвращался с конспиративного совещания. Близ дома заметил мелькнувшую тень. Следивший спрятался за дерево, притаился... Дыбенко продолжал идти. Убедившись, что «хвост» отстал, переметнул через невысокую изгородь чужого сада, прижался к земле. Рядом прошел человек... Дыбенко вылез из укрытия, пробрался на запасную квартиру, где и провел остаток ночи.

Друзья предупредили, немецкая контрразведка напала на его след. Готовились переправить в Балаклаву, но не успели. В первых числах августа Ды-

бенко оказался в тюрьме. При аресте искалечил двух жандармов, а шпика задушил, но и ему основательно досталось. Связали и доставили в контрразведку... При допросах выкручивали руки, били металлическим прутом...

Сидел Дыбенко в одиночке. Ухватившись руками за железную решетку, подтягивался к окну, смотрел на море. Оно звало к свободе.

В камеру принесли похлебку — миску мутной, пахнущей гнилью жидкости. Выплеснув ее в лицо надзирателю, Павел сильным ударом кулака сбил его с ног, схватил за горло... Отобрал пистолет, выскочил в узкий коридор и уже добрался до входных ворот, но тут его схватили. Свалили с ног и били смертным боем. Потом заковали в кандалы, бросили в камеру смертников. Ночью перевезли в Симферопольскую тюрьму. Ждал казни... Расстреливать повезли в Севастополь.

«Вот и кончается твоя морская биография, Пашка. Очень хочется жить...»

Но что это? Машина, недолго постояв на Приморском бульваре, развернулась и снова запылила к Симферополю. Прибыли в город. Сняли кандалы, ввели в огромный кабинет командующего оккупационными войсками генерала Коша.

— Вам повезло,— сказал генерал.— Приказ о расстреле я подписал.— Помолчал.— Мы решили согласиться с предложением большевиков.

Дыбенко узнал, что Советское правительство обменяло его на кайзеровских генералов и офицеров, взятых в плен Красной Армией. «Позаботились обо мне товарищи».

— Не желал бы встречи...— проворчал Кош.

— А встреча не исключена, ведь вы на нашей земле,— решительно произнес Павел.— Все равно прогоним!..

Около Рыльска Дыбенко встретился с Антоновым-Овсеенко... В Москве — с женой...

— Очень переживала за тебя,— взволнованно произнесла Александра Михайловна. Целую кучу генералов и офицеров за тебя выторговали...

— Не много ли за одного матроса? — улыбнулся Павел.

Через недолгое время Павел попрощался с женой и снова уехал к Антонову-Овсеенко. Александра Михайловна тоже обещала не задерживаться в Москве.

Фронтовые дороги

Части регулярной Красной Армии, только что созданные в «нейтральной зоне», в ноябре 1918 года начали изгнание оккупантов с украинской земли. В Германии совершилась революция, Советское правительство аннулировало грабительский Брестский договор.

В составе советских войск в Харьков вступила и сформированная из партизанских отрядов 1-я бригада 2-й Украинской Советской дивизии, комиссаром которой был Павел Дыбенко...

Наступил новый, 1919 год... Красная Армия освобождала Украину от петлюровцев и войск Антанты, сменивших немецких оккупантов. Вновь созданным Украинским фронтом командует Антонов-Овсеенко. К нему, в Харьков, срочно вызван Дыбенко.

Командующий поздравил Дыбенко с боевыми успехами бригады. В кабинете Павел Ефимович увидел военного. «Угрюмый и, наверное, нелюдимый»,— подумал он.

— Познакомьтесь,— сказал Антонов.— Сергей Иванович Петриковский (Петренко)[1]. Отлично работал в большевистской военной организации Харькова при немецких оккупантах. Воевать вам теперь придется вместе. Надеюсь, понравитесь друг другу и характерами сойдетесь.

Командующий рассказал о сложившейся обстановке на Украине. Войска Антанты захватили Одессу, Херсон, Николаев, Севастополь. С интервентами блокируются петлюровцы.

— Одним словом, товарищи, борьба предстоит тяжелая и длительная. Вам необходимо из партизанских отрядов сформировать Особый отряд[2] и начать боевые действия. Командир — Дыбенко, начштаба — Петриковский.— Подошел к висевшей на стене карте, показал населенные пункты и города, остановился на Екатеринославе...

Особый отряд создали. В него вошли матросский бронепоезд и полки 6-й, 13-й, 14-й, 15-й пограничный, батальон особого назначения и другие мелкие подразделения. 7269 штыков, 319 сабель, 10 орудий и 32 пулемета — сила немалая. Не первый день Особый в наступлении. Петлюровцы уже изгнаны из Павлограда, Лозовой, Мерефы. Тяжелый бой разгорелся за Синельниково. Погибли храбрые воины. Среди них ординарец Яша Гавриленко, семнадцатилетний украинский паренек. Яша заслонил командира от сабельного удара. Дыбенко пристрелил петлюровца, но и Гавриленко погиб. Похоронили юного героя в братской могиле...

---

[1] Генерал-майор в отставке С. И. Петриковский умер в 1964 году (род. в 1894 году).

[2] В документах того времени этот отряд назывался также «Особая группа войск Дыбенко», «Группа Дыбенко».

Предстояло взять Екатеринослав — большой промышленный город, расположенный на правом берегу Днепра. От Синельниково — 45 километров. По данным разведки, показаниям пленных, противник сильно укрепил город. У врага мощная боевая техника и единственный мост через Днепр.

Командир и начштаба склонились над картой.

— Сил у нас хватит,— сказал Дыбенко.— Надо их правильно использовать. Помогут партизаны, местные жители...

Командир предложил план наступления: захватить станцию Илларионово и ночью на плотах переправить 6-й полк через Днепр севернее Екатеринослава; овладеть пригородом Нижнеднепровском и перебросить еще два батальона через Днепр.

— А под утро 24 января всеми силами обрушимся на врага.

Петриковский согласился с планом командира...

На Днепре сплошное ледяное сало-шугá. «Как переправляться?» Дыбенко верил в своих бойцов, знал их отвагу и мужество... Белых выбили из Илларионово и, не давая им прийти в себя, 24 января ворвались в Нижнеднепровск. На следующий день вышли на ближние подступы к Екатеринославу. Вечером 26 января вступили в бой. 6-й полк и два батальона 15-го полка успешно форсировали Днепр и обошли город с тыла. Одновременно Дыбенко повел остальные силы отряда на штурм города и захватил железнодорожный мост... Петлюровцы отступили, бросив составы с продовольствием, 6 аэропланов, 2 бронепоезда, 4 бронемашины и другое военное имущество.

27 января Дыбенко приветствовал депутатов Совета освобожденного Екатеринослава, собравшихся на свое заседание. В числе депутатов были коман-

диры и бойцы партизанских отрядов, которые вместе с Особым геройски сражались за родной город.

Прямо с заседания Совета Дыбенко и начштаба выехали в Харьков. Павел был приятно удивлен, увидев в кабинете Антонова-Овсеенко Коллонтай.

— Вот мы и опять все вместе... Надо браться за новые дела,— говорил Владимир Александрович.— Из партизанских и повстанческих отрядов Северной Таврии предстоит создать 1-ю Заднепровскую дивизию. Для этого вас и вызвал. Командовать дивизией будет Дыбенко, начштаба — Петриковский. Введена должность начальника политического отдела. Эту должность займет Александра Михайловна. Работа предстоит большая, трудная. Люди не обучены, вооружены кто чем. Но все люто ненавидят интервентов и белых. На вас,— он посмотрел на Коллонтай,— возложено политическое воспитание будущих красноармейцев. Опыт у вас большой. Уверен — справитесь. Всем вам желаю успеха!..

В салон-вагоне на станции Екатеринослав штаб новой дивизии знакомился с партизанскими командирами-тавричанами. Были среди них и бывшие солдаты царской армии, и рабочие, и хлеборобы. Дыбенко представил собравшимся начальника штаба и начальника политотдела.

— Отныне вы не партизаны, а командиры Рабоче-Крестьянской Красной Армии, а ваши бойцы — красноармейцы. Нам с вами в самый короткий срок предстоит создать дивизию, способную одерживать победы над врагом.

Партизанские группы и отряды стали именоваться теперь взводами, ротами, батальонами. Их сводили в полки. Работники штаба и политотдела дивизии все время находились в подразделениях, помогали командирам налаживать боевую и политиче-

скую учебу красноармейцев. Политические комиссары были назначены не только в полки, но и в батальоны.

Все шло как будто хорошо. Дивизия готовилась к боям...

Совершенно неожиданно в Александровск, где находился штаб дивизии, пришел приказ, встревоживший Дыбенко, Петриковского и Коллонтай. Читали и недоумевали:

«Приказ № 18

по войскам группы Харьковского направления
21 февраля 1919 года

1. Войска, входящие во вверенную мне группу, приказано свести в дивизии, а посему приказываю: из частей, находящихся под командованием т. Дыбенко, Григорьева и Махно, образовать одну стрелковую дивизию, которой впредь именоваться 1-й Заднепровской Украинской советской дивизией. Начальником этой дивизии назначается т. Дыбенко П. Е.

2. Из отрядов атамана Григорьева образовать 1-ю бригаду...

3. Из отрядов Северной Таврии образовать 2-ю бригаду...

4. Из отрядов Махно образовать 3-ю бригаду...

Вр. командующий группой Скачко.
Врид начштаба Карташов»[1].

— Чудеса! — воскликнул Дыбенко. — Второй раз будем создавать одну и ту же дивизию.

Но приказ есть приказ. Его надо выполнить.

Побывал Дыбенко в обеих бригадах. Много там было уголовников, кулаков, анархистов. Дисциплины они не признавали, пьянствовали, грабили насе-

[1] Приказ приводится в сокращенном виде.

ление. Долго беседовал с командирами. И Махно, и Григорьев утверждали, что на их «славных бойцов наговаривают лишнее», обещали навести «воинский порядок» и сражаться на стороне Красной Армии. Согласились принять в подразделения политработников.

Но Дыбенко не успокоился. Своими сомнениями поделился с Антоновым-Овсеенко, рассказал о встречах с бойцами и командирами новых бригад, о том впечатлении, какое они произвели на него. Выслушав, Владимир Александрович довольно сухо ответил:

— Мы обязаны привлекать на сторону Советов и непролетарские элементы.

Минул месяц. 20 марта Дыбенко получил приказ № 22, подписанный А. Е. Скачко. В нем командующий ставил 1-й Заднепровской дивизии боевую задачу: 1-й бригаде Григорьева — овладеть Одессой; 2-й бригаде — закрыть Крымский полуостров; 3-й бригаде Махно — выйти на линию Платовка — Мариуполь...

Дыбенко вывел Заднепровскую на исходные позиции.

Крымский период

Наступление началось. В ночь на 2 апреля 1919 года части 2-й бригады сравнительно легко заняли Чонгарский и Перекопский перешейки. О боевых успехах дивизии Дыбенко телеграфировал в Москву и доложил командованию фронтом.

5 апреля, выполнив поставленную задачу, 1-я Заднепровская дивизия должна была остановиться и, закрепившись на выгодных позициях, запереть бе-

лых в Крыму... Обстановка требовала безотлагательно перебросить освободившиеся силы в Донбасс, чтобы усилить ими войска, действующие в направлении Таганрог — Ростов...

Однако не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления противника, 1-я Заднепровская начала втягиваться в Крым. 10 апреля она заняла Симферополь, а 18-го ее передовые подразделения восторженно приветствовали жители Севастополя.

За умелое руководство войсками, личное мужество и отвагу, проявленные во время Крымской операции, Павел Ефимович Дыбенко был награжден орденом Красного Знамени.

В тот день, когда советские войска вступили в Севастополь, 18 апреля, В. И. Ленин телеграфировал председателю Совнаркома Украины Х. Г. Раковскому в Киев: «Насчет планов Дыбенки предостерегаю от авантюры — боюсь, что кончится крахом и он будет отрезан. Не разумнее ли его силами заменить Махно и ударить на Таганрог и Ростов. Советую трижды обдумать, решайте это, конечно, сами» [1]. 22 апреля Владимир Ильич в телеграмме Антонову-Овсеенко требовал от командования Укрфронта «немедленно выполнить задание главкома дать солидное подкрепление на участок Донбассейн-Мариуполь» [2].

Антонов-Овсеенко выехал в Крым. Фронт к этому времени проходил близ станции Ак-Монай, восточнее деревни Дальние Ключи на Керченском полуострове. Дыбенко встретил командующего в Джанкое, где находился его штаб. Доложил, что приступил к формированию Крымской Красной Армии, насчитывающей уже 13 тысяч штыков и сабель (в 1-й Задне-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 283.
[2] Там же, стр. 286.

провской дивизии было 4500). Вместе побывали в Симферополе и Севастополе. Антонов-Овсеенко спешил в Донбасс. Дыбенко заверил его, что в течение ближайших нескольких дней Крымская Красная Армия овладеет укрепленными позициями белых, нанеся удар через Керченский пролив и Таманский полуостров, выйдет в тыл Деникина и поможет армиям Южного фронта разгромить противника на Ростовском и Таганрогском направлениях. Командующий внимательно выслушал Дыбенко и, по существу, одобрил его план. Директива повернуть части Крымской Армии на Донбасс отдана не была. Позднее Дыбенко узнал, что в мае 1919 года ЦК РКП(б) объявил выговоры Наркомвоенмору Украины Н. И. Подвойскому, командующему Украинским фронтом В. А. Антонову-Овсеенко за задержку переброски войск в Донбасс и потребовал ст руководящих работников Украины принять меры для освобождения Донецкого бассейна от белогвардейцев... В своих мемуарах Антонов-Овсеенко писал, что его увлекла фантастическая мечта прорваться в Керчь и оттуда создать угрозу тылам «добровольческой армии» Деникина.

6 мая 1919 года была образована Крымская советская республика. Павел Ефимович — народный комиссар по военным и морским делам и командующий Крымской Красной Армией. А. М. Коллонтай — начальник политического управления армии. Несколько позднее заместителем наркомвоенмора стал двадцатидвухлетний Иван Федорович Федько. Его приезд в Крым очень обрадовал Павла Ефимовича.

— Явился в ваше распоряжение от товарища Ленина,— по-военному четко доложил молодой подтянутый командир и подал документы. Федько рассказал о себе.

Военную службу он начал в Феодосии в годы империалистической войны прапорщиком. Здесь же в 1917 году вступил в партию большевиков. Формировал отряды Красной гвардии, сражался с немецкими оккупантами. Командовал красными частями на Северном Кавказе. В Астрахани встретился с С. М. Кировым.

— Вот он-то и послал в Москву к товарищу Ленину,— говорил Федько.— А Владимир Ильич направил меня, как знающего Крым и Украину, уже к вам. И вот я здесь.

— Прибыли как нельзя кстати,— с радостью произнес Дыбенко.— У нас неспокойно...

9 мая 1919 года поднял мятеж бывший гетмановский атаман и петлюровский офицер Григорьев, командовавший тогда 6-й дивизией Украинского фронта. В выпущенном «универсале» он обещал «свободу торговли», «защиту собственности», «свободные при участии всех партий (кроме большевиков) советы» и многое другое. Такие посулы вполне устраивали зажиточные слои населения. Восстание охватило значительную часть Южной Украины. Под угрозой оказались Николаев, Херсон, Одесса, Харьков. 11 мая григорьевцы захватили Екатеринослав и Кременчуг. Еще через день они дошли до Золотоноши и открыли путь на Киев.

Основная тяжесть ликвидации григорьевщины легла на войска, сосредоточенные в Харьковском военном округе, и добровольческие рабочие отряды, которыми командовал А. Я. Пархоменко. Активное участие принял в ликвидации мятежа и Дыбенко. Он командовал советскими войсками, действовавшими в районе от Александровска до Екатеринослава. В течение двух недель с мятежом было покончено...

Дыбенко возвратился в Крым. Нужно было готовить армию к новым боям. На каждом шагу приходилось встречаться с большими трудностями. Не хватало командиров. Мало было коммунистов в войсках и особенно в гражданских учреждениях. Забот по горло. Как-то Павел Ефимович показал Коллонтай письмо от Семашко: наркомздрав писал, что скоро Крым превратится во всенародную здравницу, настоятельно просил надежно охранять дворцы, где будут отдыхать трудящиеся.

— Прекрасно, Павел! — радовалась Александра Михайловна.

— И я так думаю. Только ведь сейчас заботы совсем другие. Красноармейцев заели вши. Войска разуты и раздеты. Мастерские, которые мы открыли в Симферополе и Севастополе, стоят — нет материалов. А чем вооружать нашу новую армию?

— Да, нелегко нам, Павел.

До предела была загружена работой и Коллонтай в политическом управлении армии. Открыли школу политсостава, проводили беседы с бойцами, среди населения, издавали журнал, газету, писала позднее Александра Михайловна, вспоминая о «крымском периоде».

Но слишком коротким был тот «крымский период». Белые находились рядом. Вдоль побережья непрерывно курсировали корабли интервентов. И военачальники, и гражданские руководители Крыма понимали, что враги готовятся к наступлению...

И оно скоро началось... Деникинцы прорвали фронт в Донбассе и часть сил перебросили на Чонгарский и Перекопский перешейки, намереваясь отрезать Крымскую Красную Армию, а затем уничтожить ее. Военная и политическая обстановка обострилась. 16 июня 1919 года в Симферополе состоя-

лось чрезвычайное совещание членов правительства республики и армейских работников. С докладом выступил П. Е. Дыбенко.

— Махно расстрелял направленных к нему политработников, снял свои части с линии Мариуполь — Волноваха и увел в Гуляй-Поле,— говорил наркомвоенмор.— В образовавшуюся на фронте брешь устремились конные дивизии Шкуро. Федько быстро организовал оборону и остановил врага... Со дня на день Деникин может начать общее наступление на север. Крым окажется в тылу врага.

Дыбенко предложил незамедлительно подготовить к эвакуации тыловые учреждения и склады, а также вывести бронепоезда для защиты железной дороги на линиях Джанкой — Севастополь, Джанкой — Феодосия и Джанкой — Александровск — Екатеринослав...

Минуло два дня. 18 июня ночью дежурный по штабу поднял командующего и доложил:

— Корабли Антанты открыли огонь по расположению наших войск. В районе Судака и Коктебеля высадился десант...

И новое сообщение: «дикая дивизия» Шкуро появилась в Мариуполе...

Дыбенко собрал экстренное совещание работников штаба и объявил порядок отвода войск. Он поставил задачу командирам полков отходить постепенно, чтобы задержать противника и дать возможность эвакуировать все тыловые подразделения, госпитали, гражданские учреждения.

— И что весьма важно,— подчеркнул командующий,— сохранить боеспособность каждого полка, роты, взвода!

Эвакуация проходила организованно. Войска пять дней сдерживали натиск высадившегося у Ста-

рого Крыма десанта. Геройски действовал заслон Федько на пути белой конницы Шкуро...

Части Крымской армии покинули Джанкой 26 июня. В течение восьми дней Крым был эвакуирован. 30 июня по наплавному мосту через Днепр из Каховки в Берислав отступили последние группы красноармейцев.

Крымская армия перестала существовать. Все ее части были объединены в дивизию, получившую наименование Крымской и вошедшую во вновь созданную 14-ю армию Южного фронта.

Под командованием Дыбенко Крымская дивизия мужественно обороняла Правобережную Украину по Днепру от Екатеринослава до Херсона. Конец июня и почти весь июль она вела тяжелые бои с превосходящими силами противника, сдерживая наседавших деникинцев.

В последних числах июля пришла радиограмма от Подвойского. Дыбенко отзывался в Киев. Командование дивизией он передал своему заместителю, боевому соратнику И. Ф. Федько.

И снова в бой

Дыбенко и Коллонтай жили в киевской гостинице «Континенталь». Павел Ефимович находился в распоряжении наркома по военным и морским делам Украины Н. И. Подвойского, Александра Михайловна — народный комиссар агитации и пропаганды УССР. Враг подступал к Киеву. Нужно было организовать оборону города. Приходилось все время бывать в войсках, выступать перед красноармейцами, рабочими, мобилизовывать население на отпор врагу.

Вернувшись как-то поздно вечером в гостиницу, Дыбенко увидел в номере Подвойского и Коллонтай. Поздоровавшись, Николай Ильич без предисловий сообщил, что принято решение послать группу красных командиров, в том числе и его, Дыбенко, в академию Генерального штаба в Москву.

— В такое время? — удивился Павел.

— Это приказ,— произнес Подвойский...

Дыбенко мечтал получить образование. И об академии думал. Но ехать сейчас, когда белые захватили огромную территорию страны, находятся в Донецком бассейне, в Крыму, в Орловской и Воронежской губерниях, в Царицыне...

— Не могу!

Убедил. Подвойский согласился на некоторое время задержать Дыбенко. Нужно было вывезти из Киева учреждения, ценности, оборудование предприятий, эвакуировать население. А бои шли уже на окраинах города...

В 20 числах августа белополяки захватили Житомир и Новоград-Волынский. 25-го петлюровцы ворвались в Фастов и Белую Церковь, 30-го вступили в Киев. На следующий день в город пришли и деникинцы...

В сентябре Дыбенко отправился в Москву. Коллонтай уехала раньше.

...Академия Генерального штаба — так она тогда называлась,— слушателем которой стал бывший балтийский матрос Дыбенко, открылась в конце 1918 года. Здесь овладевали военным искусством командиры Красной Армии... Вскоре Павел Ефимович встретил в одной из аудиторий Федько. Оказывается, он тоже слушатель.

После кипучей фронтовой жизни трудно было привыкать к академическому распорядку. Сидеть на

лекциях, составлять конспекты, сдавать зачеты и экзамены. Да и за плечами только сельская школа. Правда, Александра Михайловна и раньше помогала Павлу учиться. Во время короткого затишья между боями они садились за учебники...

Но очень скоро занятия в академии пришлось прервать. Наступал Деникин. Пали Курск, Орел. Под угрозой находилась Тула. «Добровольческая армия» рвалась к Москве. Недобитые колчаковские войска наступали в районе Тобольска. Миллер продвигался к Вологде и Петрозаводску. Юденич прорвался в окрестности Петрограда. Войска буржуазно-помещичьей Польши заняли Минск.

Основным стал Южный фронт. Сюда партия направила и слушателей военной академии. Павел Ефимович уезжал в 10-ю армию командовать 37-й стрелковой дивизией.

...После беседы с командующим армией А. В. Павловым и членом Реввоенсовета Б. Д. Михайловым П. Е. Дыбенко отбыл в расположение своей дивизии. Поджарый рыжий конь с белыми ногами шел тихо... Павел Ефимович все еще находился под впечатлением недавнего разговора в штабе армии, и перед ним все более четко вырисовывался план готовящегося наступления. Шесть пехотных дивизий и кавалерийская бригада 10-й армии занимают фронт по линии Усть-Медведицкая — Качалинская — Дубовка. Своим правым флангом они наносят удар в направлении Нижне-Чирской, левым — ликвидируют неприятеля в районе станицы Качалинская. Затем всеми силами переходят в общее наступление на Царицын. На флангах действуют 9-я и 11-я армии...

В 37-й дивизии — 3 пехотных полка и кавалерийская бригада. Штаб располагался в Дубовке, живописном городке на правом берегу Волги в 52 кило-

метрах к северо-востоку от Царицына... В небольшом домике собрались командиры. Начдив уже познакомился со всеми.

— По берегам Волги бандитствует конный корпус генерала Топоркова,— говорил командир кавбригады Курышко, донской казак, бывший вахмистр, среднего роста, коренастый с хмурым лицом.— Ударить бы так, чтобы от беляков пух полетел!

— Давно пора! — поддерживает комбрига лет тридцати, невысокий, рыжеволосый, ладно сбитый командир конного полка Гусев.— Вот только у беляков и овса, и сена вдоволь, а наши лошади шатаются от голода. Давно уже скормили все соломенные крыши...

Холодный, ветреный декабрь подходил к концу. Нерадостные вести поступали от соседей — из 38-й и 39-й дивизий. Обе они вынуждены были отходить под натиском корпуса Топоркова. «А у нас пока тихо»,— удивлялся Дыбенко. И вот донесение конной разведки: «На участке 37-й, на основании сведений, полученных от пленных, действуют два полка белых».

Это было ранним утром 29 декабря 1919 года. Дыбенко срочно вызвал в штаб Курышко.

— Останешься за меня в дивизии, а я с твоей кавбригадой двинусь в тыл к белым.— Заметил, как помрачнел комбриг: «Рвется в бой».— Ну, что же, отправимся вместе.

Кавалеристы проворно седлали коней. Еще затемно миновали пределы передовых застав дивизии. На рассвете внезапно напали на кавалерийский полтавский полк белых и за 30—40 минут разметали его. Около полусотни трупов остались лежать на снегу. 120 конников сдались в плен и попросили принять их в Красную Армию. Почти все были односельча-

нами кавалеристов, мобилизованными деникинцами. Боец Гарбузов встретил брата, влепил ему пощечину, а потом обнял.

— Ударил за то, что с беляками связался. А что к нам попросился, за это обнимаю.

Захватили лошадей, пулеметы, сено и овес.

После недолгого отдыха возвратились в Дубовку. Здесь узнали, что соседняя 38-я дивизия под напором превосходящих сил оставила станицу Качалинскую. Около полуночи Дыбенко вызвали к аппарату. Командарм Павлов объяснил обстановку, а потом сказал:

— Надо выручать 38-ю. На рассвете поднимай конников.— И помедлив: — Знаю, и бойцы устали, и кони не успели остыть...

Дыбенко и Курышко едут рядом и, видно, думают об одном и том же. Несколько десятков километров по гололедице для истощенных лошадей — путь тяжелый. А вступать в бой придется с ходу. И сил у белых больше: около 6 тысяч сабель, пластунская бригада и пехотные части. У 38-й и 39-й дивизий не более 4,5 тысячи штыков и 300 сабель, и еще в кавбригаде 420 сабель, 8 пулеметов и 2 орудия.

В два часа дня встретили медленно продвигавшуюся конную группу белых. Как видно, противник не ожидал появления здесь красных. Подпустив конников на расстояние 600—700 метров, Дыбенко стремительно развернул кавбригаду и повел ее в атаку. Не приняв боя, белые отступили. 150 кавалеристов сдались в плен. Часть усталых, истощенных лошадей бойцы кавбригады заменили трофейными, сытыми и сильными.

Уже под вечер вышли на фланг 38-й дивизии, но помочь ей ничем не смогли. Самих обнаружили. Не принимая неравного боя, пришлось спешно отступить.

К вечеру вошли в хутор Медведев. Здесь разгромили дивизион артиллерии противника, захватили большой обоз, лошадей, фураж. Намеревались дойти до станицы Паньшинской и устроиться там на ночлег. В отдыхе нуждались все — и люди, и кони. Но когда приблизились к станице, разведка донесла, что от Паньшинской, переправившись через мост, к Качалинской движутся пехотные и кавалерийские части белых. Дыбенко подозвал комполка Гусева.

— Бери своих конников и гони беляков обратно к мосту,— приказал он.

Гусев понял замысел начдива и быстро скрылся в ночной мгле. Не выдержав внезапной дружной атаки, белые в панике повернули и обратились в бегство.

Теперь кавбригада взяла направление на Качалинскую. В станицу вошли ночью и наткнулись там на основные силы корпуса Топоркова. Что делать? Вступать в бой — сил мало. Отступать — поздно, самих перерубят. «Пока нас не обнаружили, надо действовать»,— решает Дыбенко. Посовещавшись с командирами, он приказывает открыть огонь из всех пулеметов и винтовок. Неожиданный шквал огня ошарашил белых. Не разбираясь толком, что происходит, они в темноте выскакивали из домов, стреляли куда попало, часто по своим, и без оглядки бежали из станицы.

— До самой смерти будут помнить Качалинскую! — воскликнул Курышко...

Корпус генерала Топоркова, потеряв убитыми, ранеными и сдавшимися в плен три тысячи солдат и офицеров, без артиллерии, пулеметов и обозов, минуя Царицын, спешно отходил к югу. Кавалерийская бригада 37-й дивизии численно увеличилась до 1650 сабель за счет пленных, перешедших на сторону

Красной Армии, обновила конский состав, захватила много продовольствия, снаряжения и фуража...

Получен приказ командарма Павлова — кавбригаде вернуться в район Дубовки, чтобы вместе с остальными частями 37-й дивизии наступать в направлении Рынок — Орловка — Царицын. Кавалеристы горели желанием принять участие в освобождении города, оставленного Красной Армией после кровопролитных боев в конце июля 1919 года. Усталость словно рукой сняло.

Бежавшие из Царицына жители сообщили, что противник уходит из города.

Ускоренным аллюром кавбригада шла к Царицыну. Не дожидаясь подхода всей дивизии, Дыбенко повел кавалеристов на штурм вражеских позиций. Ворвались в город с западной стороны. Почти одновременно с левого берега Волги по льду переправился 450-й полк 50-й дивизии под командованием начдива Е. И. Ковтюха.

Это произошло 3 января 1920 года. Над Царицыном снова взвилось Красное знамя страны Советов.

За участие в боях на Юго-Восточном фронте ВЦИК наградил П. Е. Дыбенко вторым орденом Красного Знамени.

...В начале февраля Павел Ефимович получил приказ принять командование 1-й Кавказской дивизией, которая добивала деникинцев на Северном Кавказе. Но здесь он воевал недолго. Пришлось срочно выехать в Москву. Заболела тифом Коллонтай... Пока находился в столице, на фронте произошли крупные перемены. Небольшая передышка, после разгрома деникинщины, кончилась. Врангель собрал в Крыму остатки разбитой «Добровольческой армии» и перешел в наступление...

Дыбенко вызвали в Реввоенсовет и сообщили, что по просьбе командующего 13-й армией Р. П. Эйдемана[1] он назначен начальником 2-й кавалерийской дивизии имени Блинова и должен незамедлительно выехать в Цареконстантиновку, недалеко от Мариуполя.

Сразу же покинул Москву. Прибыв на место, Павел Ефимович узнал, что И. Ф. Федько воюет по соседству. Он командует 46-й стрелковой дивизией и приданной ей 2-й бригадой 15-й стрелковой дивизии, и наступать будут вместе... Они участвовали в жестоких боях 13-й армии, которая остановила врангелевцев на правом берегу Днепра по линии Херсон — Никополь и восточнее Днепра на линии Васильевка — Большой Токмак и далее на юго-восток до Бердянска. ...Дальше «черный барон» уже продвинуться не мог.

В ночь на 8 ноября, в 3-ю годовщину Великой Октябрьской революции, красноармейские цепи, перейдя вброд через Сиваш, начали штурм Перекопских укреплений. В тяжелых боях Красная Армия прорвала считавшиеся неприступными оборонительные сооружения белых и устремилась в Крым. Последний ставленник Антанты барон Врангель был сброшен в Черное море.

В этой грандиозной битве части, которыми командовали Дыбенко и Федько, наносили вспомогательные удары по врагу...

---

[1] В июне 1919 года Р. П. Эйдеман был назначен командующим Правобережной группой войск, а командующим 13-й армией стал И. П. Уборевич.

Комендант Кронштадта

Вернулся в академию Дыбенко в декабре 1920 года. Через несколько дней приехал Федько.

Учился Павел Ефимович с увлечением. Много читал, кое-что писал. Признался другу Ивану Федько, что вынашивает думку досрочно окончить академию. Помешало непредвиденное... «В Кронштадте мятеж!» Павел вначале не поверил: «Как же так, кронштадтские матросы всегда были опорой большевиков за власть Советов. Геройски бились на фронтах гражданской войны. Почему же сегодня они опустили Красные знамена, подняли черные флаги и орут: «Власть Советам, а не партиям», «Советы без коммунистов»?» Дыбенко много передумал за эти дни. Помогли разобраться в обстановке приехавшие в академию делегаты X съезда РКП(б).

После окончания гражданской войны в стране возникли серьезные трудности. Политика «военного коммунизма» в мирных условиях изжила себя. Среди крестьян и мелкобуржуазных элементов в городе росло недовольство. Этим и воспользовались враги. И Кронштадт был избран ими не случайно. Ведь теперь крепость не та, какой в 1917 году знал ее Дыбенко. И в Кронштадт, и на корабли проникли кулацкие сынки, анархисты и даже уголовники. Вылезли из щелей царские генералы, адмиралы, каперанги — Козловский, Дмитриев, Вилькен и другие, выжидающие момент, чтобы ударить в спину молодой республике. Они стремились придать антисоветской авантюре «демократический» характер. Подобрали «беспартийный ревком» во главе с писарем линкора «Петропавловск» эсером Петриченко. Кронштадт оказался в руках мятежников.

Дыбенко подал рапорт с просьбой отправить его

на подавление мятежа. «Я балтийский матрос и должен драться за родной Кронштадт». Его примеру последовали Федько, многие другие слушатели академии.

И вот Павел в Петрограде. Здесь под общим командованием М. Н. Тухачевского образованы две группы войск — Северная и Южная. Дыбенко — начальник сводной дивизии, вошедшей в состав «южан». В его подчинении — три бригады: 187-я — под командованием И. Федько, 167-я — Н. Боброва и 32-я — М. Рейтера.

Дыбенко обратился к старым матросам Кронштадта: «Товарищи моряки! Спасайте честь славного революционного имени балтийцев, опозоренного ныне предателями! Спасайте Красный Балтфлот! Старый моряк «Республики», потом «Петропавловска», ныне начальник дивизии П. Дыбенко».

Командование Красной Армии предлагало мятежникам сдаться, не проливать кровь. Не подействовало...

Красные полки готовились к штурму. Под огнем тяжелых корабельных орудий мятежной крепости нелегко преодолеть шестнадцать километров льда. Это из района восточнее Ораниенбаума, откуда пойдет дивизия Дыбенко. От Сестрорецка, откуда будет наступать Северная группа, расстояние еще больше. Взять крепость нужно ночью 17 марта. И так уж запоздали, на льду появилась талая вода, образовались озерки. Освободившийся от ледяного покрова Финский залив откроет свободный путь в Кронштадт вражеской эскадре, на помощь которой очень рассчитывали мятежники...

Бойцы подготовлены. Политработники, коммунисты — они пойдут впереди — проводили беседы с красноармейцами, матросами. Из Москвы приехало

около 400 делегатов и гостей X съезда партии. Они рассказали бойцам о новом курсе в экономической политике, решение о переходе к которому в эти дни принимал съезд... Большую политическую работу провели находившиеся в Петрограде делегаты съезда, избранные от Петроградской партийной организации и от коммунистов Балтийского флота.

Скрытно, под покровом ночи, в залив выдвигались заставы, разведчики пробовали прочность льда, связисты тянули телефонные провода. Дыбенко побывал во многих подразделениях, разговаривал с бойцами и командирами, расположившимися на заснеженном берегу Финского залива. Много среди них делегатов и гостей съезда. Как и бойцы, они тоже в белых маскировочных халатах. На санках — пулеметы «максим», лестницы, доски.

...В Кронштадте вспыхивает прожектор, его луч бежит по заливу. В яркой полосе света блестит выступившая на льду вода. Ухает тяжелый снаряд. Это бьют с линкора. «Трудно будет наступать,— думает Дыбенко.— На льду не укроешься, окоп не выроешь»...

Перед началом штурма Дыбенко собрал командиров. На совещании присутствовали К. Е. Ворошилов — комиссар Южной группы войск, делегаты съезда. Слушая по-военному лаконичные доклады, Павел Ефимович мысленно прикидывал: «Как будто все предусмотрено, все мелочи учтены». Объявил приказ: «Ровно в 6 часов 17 марта атакующим колоннам ворваться в Кронштадт. К семи часам штаб дивизии перейдет в Кронштадт. Отступлению нет места. Умереть, но победить». Закончив читать приказ, добавил, что с дивизией идет Климент Ефремович Ворошилов, а также другие прославленные герои гражданской войны, делегаты съезда партии —

товарищи Фабрициус, Бубнов, Затонский, Казанский и другие. «Их прислал Ленин. Заверяем съезд нашей партии, что Кронштадт будет возвращен Родине!»

Красные воины двинулись на штурм мятежной крепости.

Снаряды рвутся то тут, то там, вздымая каскады воды и груды ледяных осколков. Многие попадают в образовавшиеся воронки. Полки несут большие потери. Об этом докладывают Дыбенко связные и по телефону, да он и сам видит. В некоторых полках погибло до трети бойцов и около половины командного состава.

Дыбенко бежал по талому льду.

— Вперед! Только вперед! — кричал он, увлекая за собой воинов.

Вот наконец и Котлин. Бойцы сводной дивизии Южной группы ворвались в крепость в 6 часов утра. Почти одновременно вступили на кронштадтскую землю и части Северной группы войск. Мятежники упорно сопротивлялись. Их приходилось выбивать из каждого дома. Бой длился весь день и закончился только к 7 часам вечера.

Руководители мятежа успели удрать. Генерал Козловский вместе со своим штабом, захватив всех пожарных лошадей, бежал в Финляндию. Где-то на запятках саней устроился и Петриченко. Члены «ревкома» не успели оглянуться, как исчезли их «вдохновители»...

Дыбенко — комендант Кронштадта. Он только что вернулся к себе в штаб после выступления на линкоре «Петропавловск». Побывал у раненых бойцов, вручил им награды. Теперь в штабе просматривает списки членов так называемого «ревкома» и головой покачивает: «Подобралась уголовная шпана

и вовсе не беспартийная, как афишировали себя в «Известиях» — газете «ревкома»». Среди «руководящей семерки» один беспартийный — учитель и, пожалуй, самый порядочный — явился с повинной: сказал, «заблуждался я». Остальные — четыре анархиста, один меньшевик, один член партии народных социалистов, а один назвал себя даже «люмпен-пролетарием». Секретарь газеты «Известия» — попрастрига «Отец Сергий»... Разные были и матросы мятежного острова: некоторые — явные враги Советской власти, многие обмануты.

Делегаты съезда и гости, участвовавшие в подавлении мятежа, уехали в Москву. Дыбенко остался в Кронштадте. Скоро вызвали в Москву и его. Он уже знал, что награжден орденом Красного Знамени. Приказ получил. В нем сказано, что третьим орденом награждается за личную храбрость, самоотверженность и искусное управление войсками при штурме Кронштадта. Теперь у него три ордена, именное оружие, золотые часы, гнедой конь Ветер — награды за участие в сражениях гражданской войны...

Делегаты и гости X съезда партии, возвратившиеся из-под Кронштадта, 22 марта встретились в Кремле с Лениным. Был на этой встрече и Дыбенко. Владимир Ильич рассказал об итогах съезда, о замене разверстки натуральным налогом, об анархосиндикалистском уклоне и борьбе за единство партии. «Как-то восприняла Шура слова Владимира Ильича на съезде, сказанные о «рабочей оппозиции», о спорах в партии, об уклонах?» — думал Павел. Ведь это касалось непосредственно ее, Коллонтай, и ее единомышленников, возглавивших оппозицию, когда Ленин говорил на съезде, «что между идеями и лозунгами этой мелкобуржуазной, анархической контрреволюции и лозунгами «рабочей оппозиции»

есть связь». Ленин на съезде обратился к «рабочей оппозиции» в связи с брошюрой Коллонтай «Что такое «рабочая оппозиция»»: «Вы сдавали последнюю корректуру, когда знали о кронштадтских событиях и поднимавшейся мелкобуржуазной контрреволюции. И в этот момент вы приходите с названием «рабочей оппозиции»! Вы не понимаете, какую ответственность вы на себя берете и как нарушаете единство! Во имя чего?» [1]

Припомнился Павлу разговор с Александрой Михайловной после возвращения из Кронштадта. Тогда, прочитав материалы съезда, он решительно осудил «свою Шуру».

— Мятеж мы ликвидировали силой оружия, ценою сотен потонувших в Финском заливе и павших на улицах Кронштадта,— сказал он ей.— Мятеж, восстание можно подавить оружием. А как быть с мелкобуржуазной стихией? По ней из пушек стрелять не станешь. А вот Ленин нашел такую силу! Он предложил ввести новую экономическую политику. Съезд единодушно поддержал. Здорово!

— Но это отступление, Павел,— возражала Коллонтай.

— На войне тоже не всегда одни победы...

Они поспорили и оба остались недовольны друг другом.

Все это вспомнилось Дыбенко в Кремле, когда он слушал Владимира Ильича...

После совещания в Кремле Павел Ефимович на некоторое время вернулся в Кронштадт выполнять комендантские обязанности.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 36, 38.

«Им плыть дальше»

В Кронштадте Дыбенко пробыл недолго. Его опять отозвали в Москву. Учиться в академии отказался. «Окончу заочно». В Реввоенсовете даже обрадовались. особенно кадровики. Они подбирали замену В. К. Блюхеру, назначенному главнокомандующим Народно-революционной армией, военным министром и председателем Военного совета Дальневосточной республики. «На такую замену Василий Константинович согласится»,— говорили в управлении кадров.

Дыбенко получил назначение на должность начальника Западно-Черноморского сектора обороны и командира 51-й Краснознаменной Перекопской дивизии.

Торжественно провожали воины и жители Одессы одного героя гражданской войны и принимали другого. Дом Красной Армии переполнен. Оба начдива — старый и новый — сидели рядом в президиуме.

— Люблю моряков. А ты, Павел Ефимович, просоленный балтиец! Тебе спокойно передаю нашу славную дивизию!

«Дивизия действительно знаменитая». Дыбенко знал, как она геройски штурмовала Турецкий вал на Перекопском перешейке. Вместе с воинами 2-й Конной армии 13 ноября освободила Симферополь. За боевые заслуги дивизия получила наименование Перекопской, а ее командир Блюхер награжден орденом Красного знамени.

— Не уроним чести дивизии,— заявил в ответной речи Дыбенко.— Боевую славу приумножим успехами в учебе и укреплением дисциплины в мирные дни.

Блюхер уехал на Дальний Восток, а Дыбенко приступил к исполнению новых обязанностей. В дивизии проходили военные и политические занятия. Бойцы несли внутреннюю и гарнизонную караульную службу, а в свободное от боевой учебы время многие с увлечением занимались художественной самодеятельностью. Одесситы любили концерты «артистов» 51-й, и в Доме Красной Армии всегда было полно народу.

Командир дивизии много времени проводил в подразделениях. Эта привычка еще с фронта. Командиры полков поначалу ворчали.

— Заранее бы предупреждали, товарищ комдив,— говорили полковые.

— Зачем беспокоить людей,— смеялся Дыбенко.— А то еще станете спешно все надраивать...

Привыкли. В любое время дня и ночи могли показать «товар лицом», без очковтирательства. Полки поднимались по боевой тревоге, перекрывая установленные нормативы. Дивизия вышла в своем военном округе на первое место по боевой и политической учебе, за что была награждена Красным Знаменем ЦИК УССР. Для вручения высокой награды приезжал заместитель председателя Совета Народных Комиссаров УССР, командующий войсками Украины и Крыма М. В. Фрунзе. Присутствовал он на военной игре и остался весьма доволен, о чем и сказал в своей речи после вручения знамени...

Дивизию всегда ставили в пример, по ней равнялись. Но начдив никогда не успокаивался на достигнутом сам и требовал того же от подчиненных. Командующий Харьковским военным округом А. И. Корк высоко ценил военные способности П. Е. Дыбенко. Он писал в аттестации: большая сила воли, энергия, умение быстро разбираться в

обстановке; высокая требовательность и забота о подчиненных, все это создало несомненный авторитет Дыбенко... «Любит военное дело и работает добросовестно»,— заключал Корк.

Отдавая всего себя делам в дивизии, Дыбенко находил время для партийной и государственной работы. Его избирали в партийные и советские органы Одессы. А время было трудное: в городе не хватало продовольствия, плохо обстояло с транспортом, многие промышленные предприятия стояли из-за отсутствия сырья и топлива. В гостинице «Пассаж», где размещался штаб дивизии, всегда людно: одесситы шли к Дыбенко за советом и помощью. И он ни к кому не оставался безучастным...

Не запускал и академические дела. Сдавал курсовые зачеты. Приближались выпускные экзамены. Для подготовки ему был предоставлен отпуск... И вот академия окончена. Профессора и преподаватели высоко оценили его знания.

В это же время, в 1922 году, из печати вышла книга П. Е. Дыбенко «Военная доктрина и эволюция армии». Сдал в типографию рукопись «Мятежники». Подходила к концу работа над книгой воспоминаний «Из недр царского флота к великому Октябрю».

Все шло хорошо. И Александра Михайловна наконец порвала со старыми друзьями из «рабочей оппозиции».

Радость омрачилась совсем непредвиденным... Он замечал, что Коллонтай стала придирчивой к нему, раздражительной, избегала встреч.

— Я занята,— говорила она Павлу Ефимовичу, когда тот звонил ей по телефону. «Срочно заканчиваю статью в «Правду»». «Задержусь в Коминтерне»... «Работала она много всегда, но находила время для

встреч. Значит, дело в другом,— размышлял Дыбенко.— Может, разница в возрасте? Ведь старше меня на семнадцать лет. Нет. Видно, я в чем-то виноват».

И вот последнее свидание в «Метрополе», где Коллонтай занимала небольшой номер. Она объявила, что уезжает в Норвегию.

— Что так внезапно? И надолго?

— Лет на пять... Может, чуть меньше...— И она произнесла просто и спокойно: — Нам надо расстаться... Не возражай, Павел... Так будет лучше...

Уехала в Норвегию торговым представителем РСФСР. Потом — в Мексику. Опять вернется в Осло. Станет полномочным представителем Советского Союза в Швеции, где и доживет до глубокой старости.

Павел до конца своих дней с нежностью будет вспоминать «свою Шуру». Будет с волнением перечитывать коротенькие газетные информации о дипломатических встречах, приемах, посещениях, выступлениях А. М. Коллонтай...

Дыбенко, теперь с дипломом военной академии, начал новый этап своей службы...

В сентябре 1922 года он сдал новому начальнику 51-ю Краснознаменную Перекопскую дивизию и принял командование 5-м стрелковым корпусом. И опять целыми днями среди бойцов. Не хватало командных кадров. Нередко приходилось проводить занятия самому. Трудностей много... Ведь в армию приходили в основном малограмотные, а то и вовсе неграмотные призывники. Их учили владеть боевым оружием и одновременно грамоте. Своим энтузиазмом комкор увлекал весь личный состав. Трудились и красноармейцы, и командиры, не зная отдыха.

А ночью нередко поднимались по боевой тревоге, чтобы ликвидировать появлявшиеся банды.

«За несколько месяцев работы,— писал М. Н. Тухачевский об этом периоде,— Дыбенко зарекомендовал себя отличным командиром: требовательным и справедливым. Хороший хозяин. Много занимается военно-научной работой. С оперативной стороны показал себя способным, твердым начальником. Чрезвычайно вынослив. В общем, выдающийся комкор, достоин выдвижения...»

И его выдвигали. В апреле 1924 года он становится командиром и комиссаром 10-го стрелкового корпуса, а через год — начальником Артиллерийского управления РККА, затем начальником снабжения Красной Армии.

...К Дыбенко в кабинет заглянул старый знакомый адмирал Максимов. Он только что вернулся в Москву после большого заграничного плавания на посыльном судне «Воровский».

— Узнал, Павел Ефимович, что вы в столице, решил навестить. Милости прошу ко мне на огонек. Александра Ивановна — жена моя — обещала блинками попотчевать.

«На блины к адмиралу» не раз ходили Дыбенко с Коллонтай. Нынче предстояло пойти одному... За «Одиссеей «Воровского»» Дыбенко внимательно следил по очеркам в «Комсомольской правде». Это небольшое суденышко, команда которого была укомплектована комсомольцами — шефами Военно-Морского флота, а также курсантами — будущими штурманами, вышло из Архангельска летом 1924 года, а в октябре уже бросило якорь в бухте «Золотой Рог» во Владивостоке. Командовал «Воровским» Андрей Семенович Максимов — адмирал революции[1]. Об

[1] А. С. Максимов умер в 1953 году (род. в 1866 году).

этом походе и собирался он рассказать Павлу Ефимовичу «за блинками».

Обрадовался Дыбенко приходу адмирала. Вспомнил Гельсингфорс в грозном 1917-ом, заседание Совета, на котором выступал избранный матросами командующий революционным флотом. Максимов, как и в те дни, по-военному подтянут, бодр, жизнерадостен, только белая изморозь теперь покрыла всю голову. Доволен старый моряк своим последним плаванием. Восторженно говорит о комсомольском экипаже «Воровского».

— Ребята упорные, любознательные. Им плыть дальше. Они своего добьются. Верю я в наше молодое поколение! Очень верю, Павел Ефимович. Отличные будут они мореходы. Отличные!.. А вы теперь снабжением всей армии ведаете. Рад за вас, рад... А на блины жду...

Более трех лет работал Дыбенко в Наркомате по военным и морским делам, выполнял ответственные поручения, связанные с укреплением обороноспособности страны. Он активно работал во многих комитетах, советах, комиссиях, подкомиссиях — в Химическом комитете Реввоенсовета, Бюджетной комиссии ЦИК СССР, Высшей аттестационной комиссии, Мобилизационном комитете. Совет Труда и Обороны утвердил его членом комиссии государственных заказов от Реввоенсовета...

Но Дыбенко тянуло в войска. При каждом докладе наркому напоминал о рапорте, который-де завалялся в канцелярских папках. Только в конце 1928 года К. Е. Ворошилов удовлетворил просьбу. Павел Ефимович — командующий Среднеазиатским военным округом.

— Легкой жизни не обещаю,— сказал Климент Ефремович.— Впрочем, знаю, ты ее никогда не искал.

«Наш аксакал Дыбенко»

В средней Азии в те годы продолжалась жестокая классовая борьба. Шла война без фронта. Басмачи не сложили оружия. Хотя еще в 1922 году основные силы их были разбиты Красной Армией, отдельные и довольно крупные банды, поддерживаемые иностранными разведками, продолжали бесчинствовать. Убивали советских работников, терроризировали и грабили население, угоняли скот, сжигали посевы, уничтожали и травили колодцы. Совершив набег, бандиты скрывались на резвых скакунах; их оберегали горные хребты, широкие степи, бескрайние пустыни...

П. Е. Дыбенко был в Душанбе, когда стало известно о налете крупного отряда Фузаиля Максума на Гарм. Находившееся там подразделение Красной Армии не смогло остановить лавину басмачей. Знал командующий, что многие родственники и приятели Максума и его сподвижников сейчас в городе и ждут удобного случая, чтобы устроить резню. Медлить было нельзя.

В это время в Душанбе в Доме дехканина, единственном недавно построенном каменном здании, шло республиканское совещание хлопкоробов. Сюда и направился Дыбенко. Охранял вход в помещение среднего роста паренек с загорелым энергичным лицом.

— Вы кто? — спросил командующий.

— Комендант,— ответил тот. И сказал, что зовут его Николай Рожков, он секретарь горкома комсомола.

— Кроме меня, здесь дежурят еще пять комсомольцев. А вы кто? — закончил вопросом свой доклад часовой.

Дыбенко был в военной гимнастерке, без знаков различия. Он назвал себя.

— Вот что, товарищ Рожков, никого из здания не выпускайте. Туда проникли бандиты. Сейчас к вам на помощь придут красноармейцы.— И он вошел в дом.

В зале жарко, хотя все окна открыты. Дыбенко, не спеша, прошел через зал, поднялся на сцену и направился к трибуне. В президиуме и в зале заволновались. Оратор прервал выступление.

— Сегодня Фузаиль Максум захватил Гарм,— громко сказал Дыбенко.— Много там погибло красноармейцев.— Помедлил.— Мне известно, что большинство присутствующих в этом зале за Советскую власть. Они вместе с Красной Армией пойдут сражаться в Гарм. Но среди вас есть и такие, кто сочувствует или открыто помогает Максуму, басмачам. С ними разговор особый, мы их всех знаем.

Многие вскочили с мест, выхватили оружие. Кто-то выстрелил в люстру.

Дыбенко решительно поднял руку, крикнул:

— Всем сидеть на месте! Здание окружено.— Подошел к председателю: — Продолжайте работать, перерыва не объявляйте, пока не получите указания.— И спокойно прошагал через притихший зал к выходу.

...Банда Максума, имевшая первоклассное английское оружие, дралась с упорством обреченных. Большинство басмачей были убиты, некоторые бежали за границу... В 1929 году Красная Армия разгромила банду [1]...

---

[1] Этот эпизод рассказал мне Николай Васильевич Рожков, в 20-е годы секретарь Душанбинского горкома комсомола; ныне кинодраматург, писатель, лауреат Государственных премий.

Командующий военным округом понимал, что для успешной борьбы с басмачами необходима постоянная тесная связь с местными партийными, советскими, комсомольскими организациями, с трудящимися дехканами. Воины округа часто бывали в кишлаках и аулах. Помогали дехканам сеять, убирать урожай. По вечерам армейские коллективы показывали свою художественную самодеятельность...

Дыбенко вместе с местными органами занимался формированием национальных воинских подразделений, выделял для них наиболее подготовленных командиров и политработников... Особенно опекал он Среднеазиатскую военную школу имени В. И. Ленина (теперь Ташкентское высшее общевойсковое командное училище), состоял членом ее приемной комиссии. Часто читал в этой школе лекции, проводил беседы. А потом и сам стал курсантом... правда, почетным.

«Поселиться бы в этих краях нашим воинам после службы в армии». Эту мысль Дыбенко высказал на одном из окружных совещаний командно-политического состава. Идея понравилась. Уже в 1929 году из числа демобилизованных воинов была подготовлена первая группа — около девяти тысяч шоферов, механиков, слесарей, связистов и других специалистов, пожелавших трудиться в колхозах и на предприятиях Средней Азии. «Это уже успех!» — радовался командующий...

С каждым днем все труднее становилось разбойничать басмачам. Был разгромлен Джунаид-хан. Но еще не пойман Шолтай-батыр. На его след напал дивизион пограничников под командованием Александра Васильева, лихого конника, активного участника гражданской войны, уроженца небольшой деревушки Хвощевик на Новгородщине. Конники пре-

следовали бандитов от Сангу-Дага до Казанджика, где их в бою и уничтожили.

Дыбенко перевел Васильева в 10-й кавалерийский полк. Вызвал к себе: «Пойманы Джунаид-хан и Шолтай-батыр. Но на свободе еще Ибрагим-бек». «И он не уйдет от Красной Армии,— уверенно отвечал Васильев».

Ибрагим-бек в Средней Азии считался главнокомандующим всеми «войсками ислама». Под его начальством находились крупные силы. Многочисленная банда летом 1931 года переправилась через южную границу и стала угрожать Душанбе. На борьбу против нее были брошены части Красной Армии, пограничники. В городах и кишлаках у военкоматов выстраивались очереди — дехкане, рабочие, служащие записывались в добровольческие отряды...

У Дыбенко забот по горло в войсках. И в эти дни прибыла группа прогрессивных писателей и художников из Польши, Чехословакии, Франции, Германии, США. Среди них Бруно Ясенский, Эрвин Киш, П. Вайян-Кутюрье и другие. Вместе с ними — молодые киноработники, студенты ГИКа В. Кузин, Б. Синеоков, В. Микшис. Здесь же и уже знакомый Дыбенко Николай Рожков. У ребят важное задание — снять кинофильм о пребывании иностранных гостей в Средней Азии и сделать ленту о поимке Ибрагим-бека. Гиковцы убеждены — с бандой этого матерого врага будет покончено в ближайшие дни. Они так и сказали Дыбенко: «Фильм наш вся страна увидит».

И не ошиблись: 15 июня Ибрагим-бек был захвачен... в чайхане. Васильев сдержал слово [1].

[1] А. В. Васильева за поимку Ибрагим-бека в 1932 году ЦИК СССР наградил орденом Красного Знаменн. Ныне Васильев проживает в Душанбе.

Когда пойманного Ибрагим-бека доставили в Душанбе, Николай Рожков пришел к Дыбенко:

— Павел Ефимович! Надо продолжать работу над фильмом. В тюрьме свет плохой, снимать нельзя. Разрешите сделать это во дворе.

— Разве могу я тебе отказать, Николай,— смеется Дыбенко.—Ты мне помог в 1928 году захватить друзей Максума в Доме дехканина. Услуга за услугу.

Ибрагим-бека вывели в тюремный двор. Высокий, могучего телосложения, с копной черных волос. Держится надменно, охотно позирует перед кинокамерой. Бойко отвечает на вопросы иностранных писателей.

— Кто вас снабжал оружием, финансировал? — спросил Дыбенко.

— Англичане,— дерзко ответил бывший «главнокомандующий» всеми «войсками ислама»...
Вскоре были ликвидированы и остальные банды. В среднеазиатских республиках стало спокойнее.

Росла популярность командующего. В кишлаках и аулах его называли «Наш аксакал Дыбенко». Всюду принимали как дорогого и желанного гостя. К ордену, которым был удостоен за ликвидацию басмачей в Гармском округе, прибавился орден Трудового Красного Знамени Туркменской республики за победу над басмачами и заслуги в деле установления и упрочения Советской власти в районах Средней Азии.

Павел Ефимович полюбил этот солнечный край и делал все возможное для его процветания. Член Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б), член Центральных Комитетов Коммунистических партий Узбекистана и Таджикистана, член ЦИК Советов этих республик, часто выезжая в отдаленные гарнизоны, занимался

не только военными делами, но и вопросами экономики, культуры, образования...

— Как быстро пролетело время,— говорил Дыбенко, прощаясь с друзьями.— Это были годы тревог, борьбы и радости за достигнутые успехи...

В первые дни января 1934 года Павел Ефимович уезжал командовать Приволжским военным округом. В Ташкенте, в Доме Красной Армии, собрались представители воинских и гражданских организаций. Тепло и торжественно проводили трудящиеся Средней Азии своего «аксакала»...

Чтобы люди жили спокойно

Самара[1] — большой старинный город на высоком берегу Волги. Сюда прибыл Павел Ефимович... Новая обстановка, новые люди. Дела по-прежнему много.

Мир живет в тревоге. Второй год в Германии у власти фашисты. Гитлер вынашивает бредовые идеи завоевания мирового господства и об этом говорит открыто.

Нужно было следить за происками врагов, держать Красную Армию в постоянной мобилизационной готовности, укреплять ее. Съезды партии — XV, XVI и XVII,— делегатом которых был Дыбенко, требовали сосредоточить внимание народа на вопросах повышения обороноспособности страны. Советские люди выполнили первый пятилетний план и успешно трудились над осуществлением заданий второй пятилетки. Войска стали все в большем количестве получать танки и самолеты, артиллерийские

[1] 27 января 1935 года переименован в г. Куйбышев.

орудия разных калибров. Возросла огневая мощь частей и соединений.

Осваивали новое оружие и в войсках Приволжского военного округа. Не все сначала ладилось. На совещаниях начальствующего состава командующий разъяснял линию партии в вопросах укрепления Вооруженных Сил, резко критиковал командиров отстающих подразделений.

— Народ, страна дают войскам хорошую технику,— говорил Дыбенко,— наш долг овладеть ею в совершенстве.

Он часто бывал на полигонах, аэродромах, танкодромах. Присматривался к младшим командирам — ближайшим воспитателям красноармейцев. Часто беседовал с ними. В одном из артиллерийских полков созвал совещание. Состоялся откровенный разговор с младшими командирами. «С нами не всегда считаются»,— признавались они. Командующий сделал вывод: надо поднять авторитет этого звена. И привел в движение все... Когда был в Москве на XVII съезде партии, опубликовал статью в «Литературной газете», поделился мыслями о значении художественных произведений в воспитании воинов, советовал писателям и работникам искусства почаще бывать в воинских частях, больше писать об армии и флоте. «Писатели, загляните в казарму!» — писал Дыбенко,— Взгляните на нашего младшего командира. Разве он похож в какой-то степени на бывшего унтер-офицера по своему культурному развитию? Ни в коей мере. Это — исключительно сознательный боец РККА...»

О младших командирах заговорили на совещаниях начальствующего состава округа, в печати. Весной 1935 года провели конкурс полковых школ на лучшую подготовку младших командиров. Отли-

чившихся заносили в книги почета, награждали грамотами... В подразделениях заметно повысился уровень боевой и политической подготовки красноармейцев. «Младшие командиры теперь на высоте»,— говорили в округе...

Овладеть новой техникой было нелегко. Особенно в авиации. Случались и ЧП. Каждое из них командующий переживал как личное горе. Бывали и аварии, и не всегда из-за неисправности самолета. Так произошло на одном отдаленном аэродроме. Пилот остался жив, но искалечился. Отличный летчик, примерный коммунист. И вот беда.

Комиссия установила — самолет был технически подготовлен к полету.

— Значит причин для аварии не было? — спросил Дыбенко членов комиссии.

— Жена виновата,— ответил председатель.— Сварливая она. Накануне полета всю ночь скандалила, донимала мужа. Соседи по квартире просили ее угомониться. Теперь ревет.

Пришлось созвать работников политуправления, врачей, командиров авиационных подразделений. Командующий рекомендовал провести беседы с женами летчиков во всех полках.

— Расскажите об этой аварии, о ее причине,— советовал он.— Пусть женщины почувствуют, поймут, насколько велика их ответственность за судьбу мужей-летчиков...

Дыбенко уважительно, с большим вниманием относился к людям, был чутким начальником. Этого же требовал от подчиненных командиров. Весной 1937 года инспекторская группа штаба и политуправления округа уезжала в Ульяновск. Командающий собрал членов группы.

— Товарищи,— говорил он,— очень прошу, что-

бы вы вдумчиво отнеслись к выполнению служебных обязанностей. У нас появились политиканы, которые выдают себя за настоящих коммунистов, борцов за Советскую власть, а на самом деле занимаются подсиживанием, иногда порочат честных, требовательных и дисциплинированных командиров. Этим они дезорганизуют работу и приносят нам вред. Есть сведения, будто в Ульяновской военной школе обнаружено вредительство в подготовке кадров, там обвиняют руководящий состав и ставят вопрос об исключении некоторых командиров из партии. Вы разберитесь с этим делом, отнеситесь к командному и политическому составу бережно, внимательно... Если товарищи ошибаются, поправьте их, помогите им наладить работу. А если безрассудно инспектировать, смотреть на всех свысока, как чиновники, то можно наломать дров.

Дыбенко имел в виду начальника Ульяновской военной школы комбрига Т. П. Каргополова. По ложному обвинению его исключили из партии. Командующий взял под защиту старого коммуниста, добился восстановления его в рядах партии [1].

Допоздна Павел Ефимович засиживался в штабе. Он член горкома и обкома партии, депутат городского и областного Советов. Заседания, совещания, выезды на места — ко всему необходимо подготовиться, просмотреть материалы, набросать конспекты выступлений. Ежедневно приходят письма, их много, на каждое надо ответить. И Москва часто вызывает. Только что звонил нарком. Справлялся о здоровье — ведь отлично знает, что не болею.

[1] Во время Великой Отечественной войны Т. П. Каргополов был начальником связи Волховского фронта, затем возглавлял Управление боевой подготовки войск связи Советской Армии. Сейчас — генерал-лейтенант в отставке, живет в Москве.

— Послезавтра в десять ноль-ноль совещание в наркомате.

— Буду.

В Москве во время перерыва между заседаниями К. Е. Ворошилов заговорил о Ленинграде. В городе на Неве они познакомились в 1917-м. Климент Ефремович тогда был комиссаром Петроградского военнореволюционного комитета по градоначальству. Вместе устанавливали порядок в городе, только что ставшем столицей Республики Советов. Потом часто встречались на фронтовых дорогах. Дружили. Народный комиссар вдруг спросил:

— В Ленинград, поближе к Балтике, старого моряка не тянет?

— Я человек военный. Служу там, куда посылает начальство,— ответил Дыбенко.— Но Ленинград люблю.

— Дисциплинированный ты боец,— засмеялся нарком.— Так вот, Андрей Александрович Жданов просит, чтобы тебя назначили командующим Ленинградского военного округа.

Раздался звонок. Перерыв кончился. Прервался и разговор.

После совещания Ворошилов пригласил Дыбенко к себе, и они с глазу на глаз долго беседовали. На следующий день были в Центральном Комитете партии...

В должность командующего Ленинградским военным округом командарм II ранга Дыбенко вступил 15 июня 1937 года. Начал знакомиться с воинскими частями, дислоцировавшимися в приграничных районах. Граница рядом — 32 километра от Ленинграда, а от Кронштадта — 30. И город, и остров Котлин, где стоял Балтийский флот, находились на расстоянии орудийного выстрела...

Разговаривал Дыбенко с начальником погранохраны Ленинградской области.

— Пограничную с нами зону на той стороне довольно часто посещают иностранные военные,— говорил тот.— А один германский генерал с группой офицеров с весны «изучает» нашу территорию.

— Конечно, разведчики,— сказал Дыбенко.

Посетил Кронштадт. Вспомнил годы флотской молодости. Заглянул на линкор «Марат» (бывший «Петропавловск»), на «Полярную звезду», теперь вспомогательный корабль. Взгрустнулось. «Да, все меньше остается ветеранов».

Весь день провел у моряков. Доволен остался происшедшими переменами. Особенно обрадовали новые надводные корабли и подводные лодки, расторопные, знающие свое дело краснофлотцы... Еще большее восхищение вызвало увиденное на стапелях. Здесь строились легкие крейсеры «Максим Горький», «Чапаев», эскадренные миноносцы, торпедные катера. Близ завода, на Неве, стоял вернувшийся после ходовых испытаний красавец крейсер «Киров». Страна создавала большой морской и океанский флот.

Красная Армия быстро перевооружалась. В войска поступала новая техника. По насыщенности ручными и станковыми пулеметами, а также по количеству выпускаемых в минуту на одного бойца пуль наша армия теперь, к концу второй пятилетки, превосходила армии капиталистических стран. Знал Дыбенко и о перевооружении Военно-Морского Флота. За последние десять лет на судостроительных заводах были построены сотни боевых и вспомогательных судов. Созданы новые Тихоокеанский и Северный флоты, укреплены флотилии. Но видеть самому современные корабли Павлу Ефимовичу все как-то не доводилось. И вот он ходит по палубам, опытным

глазом моряка смотрит на мощные орудия главного калибра, зенитные установки, торпедные аппараты. Дыбенко был в восторге!

— Хотел бы я на таких стальных богатырях отправиться в большое плавание под флагом Родины!

...В жаркий июльский день 1937 года в ЦПКиО имени С. М. Кирова было многолюдно. На праздник, посвященный приему молодежи в военные училища, собрались около двухсот пятидесяти тысяч ленинградцев. Выступил командующий округом П. Е. Дыбенко. Он рассказал о жизни и учебе красноармейцев, поделился впечатлениями о недавнем посещении Кронштадта и кораблей Краснознаменного Балтийского флота, призвал юношей поступать в военные учебные заведения, овладевать военной профессией, готовить себя к выполнению почетного и благородного долга — защите завоеваний Октября...

...Страна готовилась встретить двадцатую годовщину социалистической революции. В эти дни Дыбенко находился среди ленинградцев. Много приходилось выступать бывшему председателю Центробалта. Но к молодежи он всегда шел с большой радостью. «О прошлом юноши и девушки мало знают,— думал он.— Перед ними сейчас все дороги открыты». И Павел Ефимович рассказывал о своей трудной молодости, о том, как уходил с мешком за плечами искать неведомое счастье...

И он нашел это счастье в борьбе за новую жизнь, за новый, социалистический строй. Защите дела революции балтийский матрос Павел Дыбенко отдал все свои силы, знания, огонь горячего сердца!

Встречи с командармом
(Послесловие)

В предвоенные годы мне, тогда молодому журналисту, приходилось довольно часто встречаться в Ленинграде с Павлом Ефимовичем Дыбенко, слушать его выступления. Говорил он всегда темпераментно, взволнованно, с подъемом.

Познакомился с Дыбенко я в Кронштадте. Во время флотских учений вместе с писателем-маринистом Александром Зониным мы находились на старом миноносце. На базу вернулись первыми и стали ждать начальство, которое вот-вот должно было подойти на катере с линкора «Марат». Я имел задание редакции взять интервью у присутствовавшего на учениях Народного комиссара Обороны К. Е. Ворошилова и завизировать воспоминания П. Е. Дыбенко. Текст — сокращенная стенограмма выступления Павла Ефимовича перед молодежью Выборгского района — лежал в моем кармане. Зонин обещал представить меня прославленным военачальникам.

Показался штабной катер. На пирс сошли Ворошилов и Дыбенко, а следом — флотские начальники. Заметив Зонина, Климент Ефремович и Павел Ефимович заулыбались, дружески пожали руку писателю, стали расспрашивать, что издал, над чем работает. Александр Ильич ответил. Потом, указав на меня, сказал, что вот, мол корреспондент газеты «Смена» хочет получить интервью у наркома К. Е. Ворошилова об отличившихся на учениях краснофлотцах и командирах.

— Трудное дело,— Климент Ефремович развел руками.— Не могу назвать. Все отличники. Балтийцы на учениях показали высокий класс и превосходное знание военно-морского дела.

Я спросил, можно ли эти слова привести в газете.

— Конечно. Напишите, мол, нарком Ворошилов остался доволен. Укажите также, что эту точку зрения разделяет и командующий Ленинградским военным округом командарм 2 ранга Дыбенко. Согласен, Павел Ефимович?

— Вполне.— Дыбенко рекомендовал больше писать о комсомольцах.— Они запевалы всего нового, передового. Энтузиасты! Замечательные специалисты! Достойно несут Красное знамя, поднятое их отцами и дедами — славными революционными балтийцами, героями Октября. Я очень доволен молодой сменой! Очень! Так и укажите в своей газете...

Климент Ефремович и Павел Ефимович, сославшись на занятость — предстоял разбор учений,— назначили нам встречу во второй половине дня в штабе флота. Я протянул свернутую в трубочку бумагу, передал Дыбенко, объяснив, что мне нужно.

— Ох, уж эти журналисты,— засмеялся командарм, пообещав прочитать текст.

Чтобы скоротать время, мы направились в Петровский парк. Бродили по Кронштадту. Постояли у памятника адмиралу С. О. Макарову, что высится на гранитной скале-пьедестале на знаменитой Якорной площади. Александр Зонин рассказывал о Дыбенко. Знакомы они были давно. Оба шли по льду на штурм мятежного Кронштадта в ночь на 17 марта 1921 года. Показал места, где проходили жаркие схватки...

— Мы за Кронштадт одновременно получили ордена Красного Знамени,— говорил писатель.— Дыбенко — третий, я — первый. Я тогда редактировал газету 16-й армии. Потом мы вместе служили в Реввоенсовете республики, в Среднеазиатском военном округе...

Александр Ильич признался, что собирается написать роман о революционных моряках Балтики, одним из основных персонажей которого будет Дыбенко.

— Уважаю этого человека,— говорил Зонин.— В нем гармонично слиты великолепный, просто-таки удивительный природный ум, поразительное трудолюбие, большие организаторские способности, дар военачальника, простота и мужество солдата. Он беспредельно предан партии... Талантлив он, черт возьми! Мог стать незаурядным писателем. Ты обязательно прочитай его книгу «Из недр царского флота к великому Октябрю»! — советовал Зонин.— Еще никто до него с такой ясностью не показал, как большевики готовили моряков к революции, борьбе с царизмом и керенщиной, за власть Советов. Полезная книга!..

В назначенное время мы были в штабе. Наша беседа затянулась. Уже задание было выполнено, статью Дыбенко исправил и подписал, а разговор продолжался. Климент Ефремович и Павел Ефимович расспрашивали о газете, о том, как «Смена» освещает жизнь армии и флота, говорили о роли газеты в воспитании молодежи.

— Большие дела вершит молодое поколение,— произнес Дыбенко.

— Да, достойная смена растет! — подтвердил нарком...

Следующая моя встреча с Павлом Ефимовичем Дыбенко произошла на псковской земле во время окружных военных маневров. Мы, четверо журналистов, должны были написать об этих учениях на страницах ленинградских газет. И вот случилась беда: у нашей автомашины произошла серьезная поломка... Сидим на берегу реки Утроя и нервничаем. Учения-

то в разгаре. В небе идут «бои», «красные» летчики «дерутся» с «синими». Где-то недалеко урчат танки. Грохочет артиллерия. Трещат пулеметы... А мы ждем... чуда. И оно произошло! На дороге появились машины. Передняя остановилась. В ней — Дыбенко. Узнав, почему мы здесь, он приказал разместить нас в штабных машинах и показать все, что положено корреспондентам. Меня командарм посадил в свою. Так я очутился в центре событий. Видел все, что происходило «на поле брани». Что было не ясно, пояснял командующий.

С КП, расположенного на возвышенности, хорошо просматривалась ровная, поросшая молодым смешанным лесом территория, разрезанная извилистой рекой. Шел «бой». Я впервые видел, как довольно громоздкие танки ТБ-5 с ходу погружались с крутого берега в воду. Удивительное зрелище! Заметив мое восхищение, Дыбенко громко сказал:

— Скоро Красная Армия будет полностью механизирована. А пехота станет мотопехотой!

Павел Ефимович пригласил нас на разбор учений. Отмечая умелые действия подразделений, особенно похвалил танкистов, авиаторов. Говорил о тех, кто действовал нечетко... Напомнил о тревожной международной обстановке.

— Она обязывает нас быть готовыми ко всяким неожиданностям. На маневрах и учениях действовать, как на войне! — призвал командарм. И будто на школьном уроке, медленно, отчетливо продиктовал: — Приказываю всем командирам считать это обязательным для себя.

И еще раз повторил:

— Обязательным! Это приказ!

Потом все пошли обедать. «Цех питания» расположился на небольшой живописной поляне среди мо-

лодой березовой поросли, листьев которой уже коснулась наступающая осень. Интендантское хозяйство хорошо вписывалось в этот чудесный уголок — тихий и уютный. Всюду виднелись зеленые палатки с оконцами — столовая, походная пекарня, продсклады... Аппетитно пахло мясными щами и свежевыпеченным ржаным хлебом.

Обед проходил в непринужденной обстановке. Дыбенко рассказал несколько веселых историй из своей флотской биографии. Но потом перевел разговор на серьезные темы. Лицо командарма помрачнело. Павел Ефимович стал говорить о капиталистическом окружении.

— Наша страна подобна одинокому кораблю, плывущему среди разбушевавшейся стихии. Забывать этого нельзя!

За столом притихли. Все почувствовали тревогу. Конечно, в этот уж очень мирный, теплый осенний день никто из нас не предполагал, что древняя русская земля, на которой только что успешно завершились большие военные учения, менее чем через четыре года превратится в арену жесточайших сражений.

Тревожные мысли о надвигавшейся войне Дыбенко высказывал и выступая перед избирателями Кингисеппского избирательного округа, где он баллотировался кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР первого созыва. На этих многолюдных собраниях в качестве корреспондента мне приходилось присутствовать. То же беспокойство чувствовалось и в речи командарма в Таврическом дворце во время встречи комсомольского актива Ленинграда с представителями молодежи республиканской Испании. В президиуме, кроме испанских товарищей, находились руководители партийных, советских и комсо-

мольских организаций города. Был среди них и командующий военным округом П. Е. Дыбенко. На его гимнастерке ордена — знаки боевой доблести и славы.

Все мы, сидевшие в зале, ждали выступления командарма. Вот он поднялся, некоторое время стоял между трибуной и столом президиума, когда стало тихо, начал речь...

— Фашизм — это война! — говорил он.— Ее уже развязали. Муссолини захватил Абиссинию. Германия и Италия помогают мятежникам душить республиканскую Испанию. Фашисты бомбят испанские города и деревни. Гибнут мирные люди. Коричневая чума угрожает человечеству.— И опять призывал к бдительности, боевой готовности...

Слушал я командарма и на партийном активе ленинградского гарнизона в Доме Красной Армии имени С. М. Кирова. К тому времени я стал военным, работал в новом литературно-художественном журнале «Краснофлотец», носил флотскую форму... Было уже поздно, мы все устали. В президиум поступали предложения — «закругляться». В зале стоял шум. Председательствующий объявил, что скоро выступит командующий войсками округа командарм П. Е. Дыбенко. Стало тихо. Все приготовили блокноты и карандаши.

Речь Дыбенко — живая, образная. Говорил он о самом повседневном: боевой и политической учебе, происках империалистических держав, необходимости в связи с этим находиться в постоянной готовности, о бдительности...

С тех пор минуло более трех десятилетий. Советские Вооруженные Силы одержали победу над фашистской Германией. Ныне наша Родина уже не од-

на, крепкими узами дружбы спаяна она с другими социалистическими государствами...

Октябрьские завоевания бдительно и надежно охраняют армия, флот, авиация, для укрепления которых так много труда и таланта отдал Павел Дыбенко.

В сердцах советских людей, воинов имя балтийского матроса будет жить вечно!..

Помнят Павла Ефимовича в деревне Людково, где он родился, помнят в городе Новозыбкове, где прошло его безрадостное детство и отрочество. В городах, за освобождение которых бился с врагами балтийский матрос Дыбенко, где уже в мирное время командовал войсками, его именем названы улицы, школы. Его имя присваивается лучшим пионерским дружинам. И ребята с гордостью говорят: «Я — дыбенковец!»

Многие из них мечтают служить на военном флоте, например пионеры из Новозыбкова. Хотят стать моряками и дыбенковцы — москвичи из 40-й специальной средней школы.

В школу № 40 ребята идут по улице Дыбенко. А улица эта находится в новом красивом районе столицы — Химки — Ховрино. За широким Ленинградским шоссе — Речной вокзал и Химкинское водохранилище. Дыбенковцы тут частые гости. Но особенно много детворы в последнее воскресенье июля, когда страна празднует День Военно-Морского Флота СССР.

Много интересного в этот торжественный день показывают советским людям моряки на всех флотах и флотилиях... Самые благодарные зрители — дыбенковцы. И каждый из них восторженно говорит:

— Когда вырасту, стану моряком, как товарищ Дыбенко!

СОДЕРЖАНИЕ

Жигалов Иван Матвеевич.
Ж68 ПОВЕСТЬ О БАЛТИЙСКОМ МАТРОСЕ. М., Политиздат, 1973.
135 с. с илл. (Герои Советской Родины).

$Ж\frac{0122-181}{079(02)-73}240-73$ ЗКП1(092) + 355.75

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

Редактор *Л. Б. Ястребов*

Младший редактор *М. С. Анисимова*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *О. М. Семенова*

Сдано в набор 31 января 1973 г. Подписано в печать 4 мая 1973 г. Формат 70×108[1]/32. Бумага типографская № 2. Условн. печ. л. 6,3. Учетно-изд. л. 5,8. Тираж 200 тыс. экз. А04590. Заказ № 2110. Цена 20 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

20 коп.

В яркой плеяде героев Октября и гражданской войны достойное место занимает Павел Ефимович Дыбенко. Председатель Центробалта, первый нарком по морским делам, талантливый военачальник и видный советский военный деятель, он прожил удивительную и героическую жизнь. О судьбе этого пламенного революционера, несгибаемого большевика-ленинца и рассказывает в своей книге писатель И. М. Жигалов.

